

Арина
Арская

ПРЕДАТЕЛЬ

в горе и радости

Арина Арская

Предатель. В горе и радости

<https://litres.ru/74294244>

Аннотация

— Ты мне изменяешь! Я знаю! Гордей взгляда не отводит. Не бледнеет. Не краснеет. И не просит меня успокоиться или поговорить. — Ты так и будешь молчать?! — Ты сейчас скажешь, что требуешь развод, — он шагает мимо меня, а затем оглядывается. — А я должен ответить, что развода не будет? Ты этого ждешь?

Подруга сказала, что видела моего мужа, с которым мы прожили пятнадцать лет в браке и родили двух детей, с другой женщиной. Он не стал оправдываться и ничего отрицать. Но беда не приходит одна.

Внимание: присутствует ненормативная лексика

Содержание

Пролог	5
Глава 1. Дай мне побыть одному	8
Глава 2. Будет нелегко	13
Глава 3. Я тут сам справлюсь	18
Глава 4. Я не в духе	23
Глава 5. Я с семьей и с женой	28
Глава 6. Берегите друг друга	32
Глава 7. Жестокий вопрос	37
Глава 8. Толстая акула	42
Глава 9. Что ты тут делаешь?	46
Глава 10. Десять из десяти	50
Глава 11. Хочу посмотреть в твои глаза	54
Глава 12. Что за подруга?	60
Глава 13. Выпьешь за это?	64
Глава 14. Детка	68
Глава 15. Дорогая моя жена	72
Глава 16. Цветочек	76
Глава 17. Сюрприз	81
Глава 18. Что-то не так	85
Глава 19. Как же я ошибалась	90
Глава 20. Не туда копал	96
Глава 21. Мы живем дальше	102
Глава 22. Претензии?	107

Глава 23. Тошнит	112
Глава 24. Что ты тут делаешь?	117
Конец ознакомительного фрагмента.	118

Пролог

— Милый, как ты? — обеспокоенно и нежно спрашивает Вера.

В ответ тишина.

Я через закрытую дверь чувствую раздражение Гордея, а сама я делаю медленный выдох.

Мою душу вместе внутренностями будто выморозили изнутри.

— Гордей... Я рядом...

И я захожу в библиотеку, решительно распахнув дверь.

Потому что имею право и не собираюсь я убегать сейчас в слезах, подслушав разговор моего мужа и его любовницы.

Гордей сидит в кресле и опять курит, гипнотизируя струйки дыма. На подлокотнике сидит Верочка, его бывшая одноклассница и по совместительству старший маркетолог в его компании.

Вглядывается в его безучастное лицо и держит за руку.

— Это уже наглость, — усмехаюсь я.

Гордей совершенно не реагирует на мое замечание, да и на бледное лицо Веры тоже.

— Я пришла высказать свои соболезнования, — Вера встает и поправляет узкое черное платье с непростительно глубоким для похорон декольте. Ее сиськи вот-вот выскочат, а родинка на правом полушарии привлекает даже мое вни-

мание. — Такая трагедия...

— Тебя тут не должно быть, — сжимаю ручку двери. — Как у тебя совести хватило...

— Уходи, Ляль, — Гордей подается вперед, тушит окурок в пепельнице и опять тянется к пачке сигарет. — Я скоро вернусь.

Над его головой плывет прозрачное полотно дыма, а я все стою и смотрю на Веру, которую я бы укутала в простынь, чтобы спрятать ее сиськи.

— Мне повторить? — переводит на меня взгляд и сует в зубы сигарету.

Вера протягивает ему зажигалку, которую он небрежно выхватывает из ее пальцев.

Я ни разу не видела его таким, будто в моего мужа вселился кто-то иной. Кто-то очень опасный и на грани психопатии.

Он сидит спиной к окнам, и солнечный свет будто вырезал его из реальности inferнальным чудовищем. Лицо в тени. Щелкает зажигалка.

Огонек освещает его лицо оранжевыми бликами. Подкуривает сигарету неглубокими вдохами, глядя на меня исподлобья, и усмехается.

Вера возвращается к нему на подлокотник и печально вздыхает.

— Я сейчас спущусь, дорогая, — сколько мерзлоты в его словах сейчас. Огонек потухает, и он раздраженно откидывает зажигалку на столик. — И дверь за собой закрой.

— Ты должна уйти, — поскрипываю зубами в бессилии перед Верой, — это неуважительно к нашей семье, — перевожу взгляд на Гордея, — или мне позвать наших детей, чтобы ты их познакомил со своей потаскухой?

— А такая сцена с детьми и скандалом, — тихо и холодно отвечает Вера, — будет очень уважительная? Лилия, мы ведь взрослые люди, верно? — смотрит на Гордея, который опять провалился в свои мысли. — И мне... я понимаю, что сейчас не самое подходящее время, но раз твоя жена в курсе, — кладет руку на живот, — то мне надо что-то вам сказать.

Глава 1. Дай мне побыть одному

Несколько дней назад

— Урод! — встречаю Гордея криком и тарелкой, что летит в него.

Он, конечно же, уворачивается. Молча. Тарелка бьется о стену и разлетается на осколки.

Я хотела встретить мужа с гордой невозмутимостью, но только увидела его рожу, меня переклинило.

Весь мой план быть спокойной и разумной женщиной лопнул воздушным шариком и вспыхнул яростью.

— Я знаю!

— Ясно, — Гордей отпинывает осколок тарелки и едва заметно шурится.

Вот к чему пришел наш пятнадцатилетний брак. К молчанию, в котором мой муж и не думает оправдываться.

И даже не прикидывается дурачком с вопросом “что ты знаешь, дорогая?”.

— Ты мне изменяешь! Я знаю!

Гордей взгляда не отводит. Не бледнеет. Не краснеет. И не просит меня успокоиться или поговорить.

Он бессовестно ломает обычный сценарий в скандале, который рождается из измен.

— Ты так и будешь молчать?

— Ты сейчас скажешь, что требуешь развод, — он шагает

мимо меня к мини-бару.

Чувствую себя идиоткой.

— Да, требую, — растерянно отвечаю.

Удивительно, как Гордею удалось меня выдернуть меня из кипящей кастрюли обиды с гневом и закинуть в недоумение.

— Ну, — он оглядывается, — а я должен ответить, что развода не будет? Или что?

Я стою с открытым ртом.

— Ляль, буду или не буду я против, нас все равно разведут, — пожимает плечами. — На скандал я не настроен. Ты извини. Я подлец, мерзавец, негодяй и кобель. У меня нет ни стыда, ни совести. Что еще? А да. Пятнадцать лет брака коту под хвост.

Меня передергивает от его взгляда, в котором застыла темная тень.

— Ляль, я соглашусь на развод, но сейчас... ты прости я хочу выпить.

Он открывает мини-бар, достает бутылку виски и задумчиво смотрит на этикетку. Хмыкает своим мыслям, а затем отложив крышечку, присасывается к горлу. Несколько крупных глотков, выдыхает и прижимает тыльную сторону ладони к губам.

— Папа умер, — выдыхает он. — Сердечный приступ.

— Что?

До меня не доходит смысл сказанных слов. Сердечный приступ? Умер?

— Ты ведь все слышала, — сжимает горлышко бутылки и идет к дверям. Четко проговаривает каждый слог. — Мой отец умер. Час назад. И да, — оборачивается. — Измены имели место быть.

— Имели место быть? — повторяю я.

— Да, но сейчас мне глубоко начхать, Ляль, — он криво усмехается. — Хочешь развод? Будет тебе развод, но сейчас мне надо позвонить маме и сказать, что папа умер.

Я отступаю.

Нет. Это все глупости. Наш вечер должен был закончиться скандалом из-за измены, а не липким страхом перед смертью, которой все равно на проблемы живых.

— Я не верю...

— Увы, — Гордей хмыкает. — Стоял и на полуслове упал. И все, — Гордей делает новый глоток виски.

Выходит из гостиной:

— Я буду в кабинете, Ляль.

Я медленно опускаюсь в кресло.

Мой свекр мертв?

Но... Он же на здоровье не жаловался. Был активным дядькой. И на позитиве. Называл меня Лялечкой и всегда говорил, что Гордею повезло с такой умницей-красавицей.

Телефонный разговор с подругой, которая сказала, что видела на неделе Гордея с другой женщиной, теряет краски ревности, злости и обиды.

Вячеслав Дмитриевич умер.

Скорбь и тупое недоумение стирает все из души.

В семью пришла смерть, усмехнулась обманутой жене и растворилась в воздухе ядовитыми парами беспомощности.

И сейчас она просочится через смартфон голосом Гордея в дом моей свекрови, змеей обовьет ее шею и начнет душить.

— Господи...

Я встаю на ватные ноги. Прихожу на несколько секунд в себя на лестнице, и мне чудится смех свекра. Его шутки были добрыми, пусть не всегда смешными и понятными, и он часто смеялся за других.

До меня доходит, что виски, которое распечатал Гордей, принес Вячеслав Дмитриевич со словами “ты же любишь всякую такую бурду”.

— Гордей, — шепчу я, и пытаюсь открыть дверь, но она заперта.

— Не утруждайся, Ляль, — следует мрачный и тихий ответ. — Дай мне побыть одному.

Я в полной растерянности.

Могу ли я сейчас оказать поддержку Гордею?

Он любил отца, и у него с ним были хорошие и близкие отношения. И, как жена, я должна сейчас быть рядом, чтобы разделить беду.

Но вместе с тем я обманутая жена.

— Гордей...

— Я хочу побыть один, Ляль. Оставь меня.

— Ты хочешь, чтобы с тобой была другая женщина сей-

час?

Вопрос выходит одновременно циничным и отчаянным.

— Если я скажу да, то ты оставишь меня?

Глава 2. Будет нелегко

— Мам, — Лева касается моего плеча, — мам...

— Мама, — с другой стороны шепчет Яна.

— Вы уже дома, — приглаживаю волосы ладонью и опять ухожу на несколько секунд в отупение.

— Ма, — Лева заглядывает в лицо.

Я ведь до разговора с Гордеем думала над тем, как мне придется говорить о разводе, а сейчас я должна сказать о смерти любимого дедушки, который пел нашим детям колыбельные, рассказывал сказки, брал на рыбалку и играл в прятки.

И все это не отменяет измен Гордея, который заперся в кабинете.

Смерть любимого деда и развод? А не многовато ли потрясений для нашей семьи? Для наших детей?

— Папа дома, да? — спрашивает Лева и встает на ноги.

Я хватаю его за руку и поднимаю взгляд.

— Да... Дома... — выдыхаю я. — Дома.

— Что случилось?

Вздрагиваю, когда со второго этажа раздается грохот. Лева хмурится, и все затихает.

— Мам, — сипит Яна. — Вы с папой поссорились?

Как сказать четырнадцатилетнему мальчику и двенадцатилетней девочке о смерти близкого человека?

И тут никак не поможет пример с хомяком, которого родители обычно заводят, чтобы познакомить детей со смертью.

Фигня это все.

— Папа в кабинете, да? — Лева медленно вытягивает руку из моего вспотевшего захвата.

— Он заперся там.

— Почему?

Мне кажется, что я сейчас сама грохнусь с сердечным приступом под ноги сыну.

— Дедушка...

Лева хмурится сильнее.

— Дедушка Слава... умер, — едва слышно отвечаю я.

Молчание.

Молчание, в котором останавливается время, потому что мозг отказывается воспринимать реальность.

Но эту поистине гробовую тишину нарушают тяжелые шаги по лестнице.

— Пап, — Лева оглядывается, а Яна в жметя ко мне испуганной мышкой.

Гордей заходит в гостиную. Он снял пиджак, галстук и расстегнул верхние пуговицы рубашки. На щеках — красные пятна опьянения.

— Дедушка умер.

Его взгляд не фокусируется, и он смотрит будто сквозь нас мутным взглядом.

— Па... — шепчет Лева и делает шаг.

Он сглатывает и решительно подходит к Гордею.

— Иди сюда, — хрипит Гордей и рывком привлекает к себе нашего сына.

Прижимает к себе, тяжело выдыхает, и Лева вздрагивает. А когда всхлипывает, то и Яна не выдерживает.

В слезах кидается к ним.

А я за всем этим просто наблюдаю, и не знаю, какая роль должна быть сейчас мне отведена.

Я понимаю, что сейчас нужна детям, ведь им надо пережить горе, но между мной и Гордеем — его измены и слова о разводе.

Я должна сейчас встать и разделить объятия, которые закроют детей от беды. Это сейчас куда важнее измен и моей женской растерянности.

Я встаю, подхожу и обнимаю Леву и Яну, которые уже режут в грудь Гордея, а у него глаза как были пустыми, так и остались.

— Мы должны поехать к маме, — глухо говорит он. — Ее нельзя оставлять одну.

— Да, конечно... — тихо отзываюсь я, не особо осознавая свои ответы. — Да...

Наши взгляды пересекаются, и в глазах Гордея я вижу черную тоску, которая растеклась в нем бездной.

— Тебе придется сесть за руль.

Яна в слезах разворачивается ко мне и вжимается запла-

канным лицом в мою грудь. Я ее обнимаю слабыми руками, продолжая всматриваться в глаза мужа.

И в горе, и в радости, да?

— Почему? — Яна всхлипывает, и ее плечи ее дрожат. — Почему? Дедушка...

— Да, я сяду за руль, — киваю. — Сяду, конечно...

Пережить смерть и похороны дедушки Славы, а потом уже поднять вопрос о разводе.

Так будет правильно?

Да?

Или добить детей новостью об измене отца, разодрать их душу в клочья и отказаться от семьи Гордея?

От свекра, с которым мы не раз готовили ужины и часами болтали о всякой ерунде.

От свекрови, которая старалась быть мне в первую очередь подругой.

Она имеет право прожить потерю любимого мужа в кругу семьи и в надежде, что все будет хорошо.

— Так, милые, — целую Яну в макушку, — поехали к бабушке.

Наши взгляды с Гордеем вновь на секунду встречаются.

— Я своим еще не звонила... — едва слышно отзываюсь я.

— Я позвонил.

— Да?

— И, видимо, твой телефон на беззвучном, — устало ки-

вает в сторону дивана.

Я оглядываюсь. На диване светится смартфон фотографии моего отца.

— Так... Давайте в машину, — мягко толкаю Яну к Гордею, а сама в каком-то полубреду шагаю к дивану.

Подхватываю телефон, и принимаю звонок.

— Ляль... — тихо говорит папа, — Господи... мы же со Славой вот только с утра говорили... — его голос срывается в шепот, — договорились о шашлыках на выходных... Ляль, Гордею будет нелегко... Всем будет нелегко.

Глава 3. Я тут сам справлюсь

Гордей принимает слезы матери, но у самого ни слезинки.

Его отец умер у него на руках, а он ничего не мог поделать.

— Как же я теперь, — воет Алиса в его грудь, а он в ответ поглаживает ее по спину и смотрит перед собой.

— Мам, все будет хорошо.

А в его кармане вибрирует телефон. Уже раз в пятый.

Женская чуйка подсказывает, что это не родственники или друзья со знакомыми.

Гордей все же выуживает из кармана телефон, кидает беглый взгляд на экран и затем смотрит на меня.

Я права.

Он касается экрана, сбрасывая звонок, и выключает телефон, который затем отбрасывает в сторону.

— Я хочу уйти за ним, — шепчет свекровь. — Я не хочу жить без него.

— Не говори так, — отвечает Гордей и смотрит мимо меня.

Яна и Лев спят наверху, и мне надо к ним.

— Ляль, — Алиса отстраняется от Гордея.

Страшно смотреть в лицо женщины, которая потеряла любимого мужа. От этого взгляда, который умоляет о том, чтобы хоть кто-нибудь притупил боль в душе, зябко.

— Мне так жаль, — сажусь рядом и сжимаю ее ладонь. —

Я... мне очень жаль.

И большего я не могу сказать.

И не потому, что я черствая. Просто не существует в мире тех слов, которые могут прогнать страх и скорбь. Только время поможет.

Я обнимаю свекровь, которую вновь рвут рыдания.

— Как же я теперь? Как же мы теперь?

И этот вопрос я сама себе тоже задаю.

Гордей встает, закатывает рукава, а затем сжимает переносицу на несколько секунд. Сглатывает и говорит:

— Я заварю чая.

Он уходит, и Алиса провожает его отчаянным взглядом.

Из глаз по красным щекам текут слезы:

— Как же... Боже... Бедный мой мальчик.

Прячет лицо в ладонях, и ее начинает трясти. Я накидываю на ее плечи, и увлекаю на подушки дивана.

— Увидеть смерть отца... — сипит свекровь. — Господи...

А я не знаю, что мне ответить.

Да, это жесть.

Тут не поспоришь, но у меня нет теперь такой силы, чтобы поддержать Гордея. Да и нужна ли ему эта поддержка, учитывая, что у него есть любовница?

— Иди к нему, — обессиленно шепчет Алиса, покачиваясь из стороны в сторону. — Ты должна быть рядом с ним, Ляль. Ты ему сейчас нужна. Иди, — она со слезами меня

толкает в спину. — Не оставляй его одного...

Прикусываю щеку со внутренней стороны до боли и встаю.

Через пару минут я захожу на кухню, закрываю за собой дверь и приваливаюсь к стене, глядя на спину Гордея, который стоит у окна, опершись руками о столешницу и опустив лицо.

Ему больно.

Увы, горизонтальные игры на стороне никак не отменяют того, что отец у него был хорошим человеком.

И измены не лишают мужчин скорби по отцам.

— Я знаю, что ты не хочешь, чтобы я была тут.

— Замолчи, Ляль. Не сейчас, — шипит он. — Я тебя очень прошу. Я понимаю, столько красивых и оскорбительных эпитетов в мою сторону не сказано, но для них не время.

Резко разворачивается ко мне и черными глазами смотрит на меня, спрятав руки в карманы:

— И все это хрень собачья, ясно? И я не могу сейчас требовать от тебя того, чтобы ты придержала в себе скандал. Если тебе так хочется, то вперед. Давай.

— Это и для меня трагедия, Гордей.

Молчит. И его верхняя губа дергается от перенапряжения.

— Но ты не можешь ждать от меня, что я...

— Я ничего не жду, Ляль. Мне отца хоронить. И знаешь, сегодня у меня вообще были другие планы.

Не будь правды о его изменах, я бы подошла к нему, об-

няла и забрала бы частичку его горя себя. Мы бы постояли в тишине, которая бы пообещала, что вместе пройдем это испытание.

Однако...

Впереди нас не ждет смирение с жестокой реальностью и осознание того, что мы есть друг у друга.

Ложь Гордея отложена в сторону, как и разговор о ней, и мы стоим по обе стороны от пропасти.

И вместе с этим в мою душу проскальзывает скользкий червячок сомнения. Может, я ему сейчас нужна, и, отказываясь протянуть руку, я творю большее зло, чем он?

Я делаю неуверенный шаг.

Обнять и спасти?

Гордей разворачивается к ящикам, которые открывает, и ищет, вероятно, чай.

Он понял, что я хочу проявить к нему сочувствие, но отказался от него.

Больно.

— Я тебя поняла, — едва слышно отзываюсь я. — И чай в другом ящике. Правее.

Гордей переводит на меня взгляд, и тут у меня катятся слезы.

Наша семья в такой глубокой жопе, из которой, кажется, мы не вынырнем. И больше нет дедушки Славы, который отметит мое плохое настроение и поворчит на Гордея, чтобы тот пошел цветы купил.

Ведь мужчина должен радовать свою женщину.

— Иди к маме — Гордей открывает соседний ящик. — Я тут сам справлюсь.

Глава 4. Я не в духе

— Я займусь похоронами, — говорит папа. — И мы с мамой завтра приедем к Алисе. Как Гордей?

Я молчу и покачиваюсь в кресле на веранде под тусклым фонариком.

— А дети?

— Спят, — тихо отвечаю я. — Па...

— Да?

— Па, у него... есть любовница...

— У кого?

— У Гордея.

Молчание, а затем затяжной выдох:

— Ляль...

— Я сегодня узнала, — смотрю на свои ноги в пушистых тапочках. — Перед... перед тем, как он сказал, что... — горло схватывает спазм. — Ты понял... Мне подруга сказала, что видела его с другой.

— И ты веришь подруге?

— Он ничего не отрицал.

— Ляль...

— Я понимаю, — сипло шепчу я. — Я все понимаю, пап, надо Славу проводить в последний путь без скандалов... Просто, я не знаю, что дальше. И я не могу ответить тебе, в каком сейчас состоянии Гордей. Вот так. Он не хочет, чтобы

я была рядом...

— Ляль, он не тот человек, который будет распускать соп-ли и плакаться в жилетку жены.

— Думаешь, в этом проблема? М? — у меня губы дрожат.
— А не в том, что он хочет рядом другую?

— Хотел бы рядом другую, Ляль, то был бы сейчас с ней,
— замолкает на несколько секунд и говорит. — Ляль... Я не знаю, что тебе сказать.

— Зря я начала...

— Слушай, вы обязательно об этом поговорите, Ляль...
— папа тяжело вздыхает. — Я... у меня нет слов... Может, подруга врет? Подругам верить вообще нельзя.

Крепко зажмуриваюсь.

Папа потерял друга и члена семьи, и сейчас он пойдет в отрицание. И надо согласиться, что вопрос измены, развода и другого сопутствующего безумия стоит отложить.

Я все это понимаю, но страшная истина в том, что я лишена возможности прожить горе в семье с поддержкой, с верой в любовь и заботу.

И я папе рассказала о Гордее, чтобы хоть немного выдохнуть. Чтобы хоть кто-то поделил со мной тайну, которую мне придется скрывать пока скорбь не разожмет с загришков моих детей свои черные и ядовитые челюсти.

— Ляль.

— Извини, пап. И спасибо, что займешься похоронами,
— закрываю глаза. — Сейчас это важнее. Ты прав.

— Держись.

— Спасибо.

Вслушиваюсь в гудки и смотрю на мотыльков, что кружатся вокруг тусклого уличного фонарика.

Дети и свекровь спят тревожным сном.

Я — на веранде, а мой муж — на кухне в темноте и тишине.

Кусаю губы, отмахиваюсь от мошкары и встаю. Еще минуту медлю и смотрю на темные очертания кустов под светом равнодушной луны.

Это так несправедливо.

Люди сталкиваются с предательством, смертью, болезнями, а мир продолжает жить по своему порядку.

Дни сменяются ночам. Мотыльки с упрямством бьются о стекло уличного фонаря. Так было вчера, есть сейчас и будет завтра.

Захожу в дом. В полумраке прислушиваюсь к тишине и иду на кухню, в которую я проскальзываю бесшумной тенью.

Гордей меня не замечает. Курит за столом, выдыхая клубы дыма и не видит, что пора стряхивать пепел.

Я насчитываю в пепельнице пять окурков, а горло дерет от сигаретного дыма, что окутал Гордея легким струящимся облаком.

Из меня все же вырывается короткий предательский кашель.

— Вот еще одна новость, дорогая, — Гордей даже не огля-

дывается. — Я начал курить.

— Я уважала и любила твоего отца, — тихо отзываюсь я, игнорируя надменные нотки в голосе Гордея.

Он хмыкает.

— А еще мне больно за твою маму и за наших детей, которые должны прожить это горе без некрасивых дрызг между нами, — я стараюсь говорить спокойно, но мой голос все равно дрожит.

Пепел падает с сигареты на стол, и Гордей вновь глубоко затягивается.

Выпускает струйку дыма в потолок, и, возможно, он сейчас даже не слушает меня.

— Но разводу быть, Гордей.

— Как скажешь, — голос у него сухой.

— И это все?

— Что ты от меня, нахуй, ждешь? — цедит он сквозь зубы. — Что я растекусь в словах благодарности, Ляль?

Вот теперь он оглядывается.

И я пугаюсь его бледного лица, которое в свете тусклой лампы у холодильника заострилось.

— Ты противоречишь себе, милая. Ты хочешь дрызг, — он щурится. — Тебя аж распирает, но я повторяю. Я не буду с тобой сейчас ничего обсуждать. Потому что у меня нет никакого желания обсасывать все это. У меня умер отец. Если тебе будет легче, то прими это как карму для ебливого кобеля. Насладись моментом.

— Не говори так.

— Иди спать, — отворачивается и тушит окурок в пепельнице. — Я не в духе, если ты не заметила.

Глава 5. Я с семьей и с женой

Я должна уйти.

Разговора с Гордеем не выйдет.

Он и так не самый простой мужчина в разговорах, а сейчас я не найду в нем трещины, чтобы добиться хоть какого-нибудь диалога.

Скорбь от потери свекра смешалась с обидой и ревностью в отвратительную липкую грязь в сердце, и она отравляет меня.

Как можно быть разумной в горе, когда тебя настигла другая трагедия.

Свекр — трагедия смерти.

Измена Гордея — трагедия жизни.

— Да твою мать! — с рыком сметает пепельницу, которая раскалывает на кафеле на осколки. Пепел, окурки рассыпаются у ножки стола. — Да что ты над душой стоишь? Чего тебе?

Он встает, разворачивается и делает ко мне шаг:

— Что ты от меня хочешь сейчас?! А? — глаза горят злобой. — Да, я тебе изменял. Я не отрицаю, но я буду сейчас об этом говорить!

— Я...

— Что ты? — цедит сквозь зубы.

— Не заслужила такого отношения...

— Какого такого, Ляль? Что ты ко мне сейчас прикопалась?

Я кашляю от сигаретного дыма, который он выдыхает.

— Ну, прости, что мой отец испортил тебе сцены истерик, криков и допросов, — кривится. — Ты можешь свалить нахуй, если тебе так не терпится сыграть в обиженку. Сука.... — сжимает переносицу и вновь смотрит на меня. — Ладно... Давай по-быстрому. Я тебе изменяю два месяца. С Верой Люциной.

Вера — женщина из его школьного прошлого. Бывшая одноклассница, и работает сейчас в компании Гордея маркетологом. Недавно развелась, и в наличии — сын подросток.

— Почему? — спрашивает Гордей. — Потому что... — смеется и пожимает плечами, — потому что она не ебет мне мозги, как это делаешь ты. Понимаешь? Ой, — он опять затягивается сигаретой, не спуская с меня взгляда, — ты, кажется, не это хотела услышать, да? надо было распустить сопли, что это была ошибка, что я осознаю, какой я козел и упасть на колени. Проблема в том, милая, — выдыхает дым и приближает мое лицо к своему, — сейчас мне все равно. Ты можешь это понять?

— Ты хочешь и меня потерять?

— Ляль, — усмехается, — я слишком много работаю с людьми, и прекрасно понимаю, чего ты добиваешься. Ты все равно гордо встряхнешь волосами, изобразишь из себя очень принципиальную дамочку и приведешь все к разводу, но...

— он скалится. — Ты хочешь моих унижений, но их сейчас не будет. А знаешь почему?

Я задерживаю дыхание, чтобы не вдыхать лишний раз ядовитый дым.

— Потому что у меня умер отец, Ляль, — прищуривается.
— Мой отец сейчас лежит в морге. Ты это понимаешь?

— Мне жаль...

— Жаль, — при очередной затяжке я замечаю, как у Гордея дрожит рука, — но все же нахуй моего отца, да, и давай вернемся к моим грешкам? Так?

Гордей чудовищно прав сейчас.

— Я бы хотела тебя сейчас обнять, поддержать, пережить все это, как муж и жена, а ты нас этого лишил, — тихо отрываюсь я. — Я любила твоего папу, и мне тоже больно, но мы бы были друг у друга.

— Прости, как-то я не подгадал свои измены и смерть отца.

— Их могло не быть...

— Но они были и ты о них узнала, — рычит он мне в лицо.
— На этом мы можем остановиться?

Пальцами тушит окурок, сжимая ими тлеющий табак. На виске бьется венка гнева.

— Или вскрыть себе черепушку, чтобы тебе было удобнее жрать мои мозги чайной ложкой?

Я отступаю, а Гордей вновь возвращается за стол и отключается от реальности. Часть меня шепчет, что я должна сей-

час просто сесть рядом, обнять его и помолчать.

Другая орет, чтобы я наплевала на все, устроила скандал, собрала детей и бежала, что глупо и незрело.

Мне стоит принять тот факт, что Гордея надо сейчас оставить.

Я выхожу в коридор. Стою несколько минут в темноте, провалившись в холодное и муторное отупения.

Я нужна детям.

Дети потеряли близкого и любимого человека, и они сейчас будут у меня приоритете, и их душевное спокойствие.

Я слышу, как на кухне у Гордея на столе вибрирует телефон. Я жду, когда он ответит. Вибрация нарастает, а затем обрывается глухим и безжизненным голосом:

— Да.

Молчание в несколько секунд, и следует такой же безэмоциональный ответ:

— Да, это правда, Вер. Нет, я не приеду. Я сейчас с семьей. Да, и с женой. Я в порядке.

Опять молчание, а я не могу сдвинуться с места, желая раствориться в темноте.

— Прекращай. Я сыт по горло соболезнаваниями.

Теперь молчание затягивается, и Гордей говорит:

— Можешь идти, Ляль. Я сбросил звонок, и тебе ничего каверзного не подслушать.

Глава 6. Берегите друг друга

— Я хочу уйти за ним, — шепчет Алиса. — За ним... — закрывает глаза и покачивается в предзвонкой серости за столом на кухне. — За своим Славочкой... Он больше меня не поцелует...

Прячет лицо в руках, но не плачет.

Я обнимаю ее в желании хоть немного ослабить ее боль от потери любимого.

— Алиса, — прижимаюсь щекой к ее плечу. — Я рядом.

— Он любил тебя, Лялечка, — едва слышно отзывается она.

— И я его любила, — обхватываю ее бледное осунувшееся лицо ладонями и вглядываюсь в блеклые от горя глаза, — и вас люблю. Алиса, и внуки вас тоже любят. Вы не одна.

Как я могу сейчас вывалить ей правду, что Гордей мне изменяет?

Я, что, хочу и ее похоронить после такой новости?

— Мне так страшно, Ляль.

— Мне тоже.

— Берегите друг друга, — сжимает мои ладони крепко-крепко, будто пытается удержаться на плаву. — Ты и Гордей. Берегите, — губы дрожат. — Берегите друг друга, детей... А остальное неважно...

— Идите и прилягте, — слабо улыбаюсь я. — Я завтрак

приготовлю.

— Гордею сейчас сложно, — шепчет она. — Ляль... когда у нас Маруська умерла от старости, он неделю ни с кем не разговаривал...

Маруська — это кошка, которую взяли котенком, когда Алиса была беременна Гордеем. Она рос вместе с Маруськой, а теперь отказывает нашим детям заводить животных.

— И он к себе никого не подпускал, — Алиса смотрит перед собой. — А тут отец... Боже, дай нам всем сил.

— И я думаю, что Вячеслав не хотел бы, чтобы вы за ним сейчас пошли...

Смотрит на меня, и на ее глазах выступают слезы.

— Он поругается, если вы сбежите к нему от внуков, — сглатываю болючий ком слез.

— Поругается, — Алиса всхлипывает и кидается в мои объятия с женским горестным воем.

На кухню заходит Гордей. Замирает в проеме двери, и Алиса будто чувствует его своим сердцем. Отсраняется от меня, торопливо смахивает слезы и встает:

— Доброе утро, милый...

Гордей кивает.

Она подходит к нему, обнимает и тяжело вздыхает, повторяя свою материнскую мантру:

— Берегите друг друга.

Затем она уходит, немного шаркая ногам по полу:

— Пойду прилягу, а ты помоги Ляле с завтраком. Побудь-

те вдвоем... Это так важно...

Через пару часов к нам нагрянут мои родители, и будет новый виток скорби в доме, в котором было всегда тепло, уютно и светло.

Поднимаюсь на ноги и плетусь к холодильнику.

Эту ночь мы с Гордеем не спали в одной кровати. Я подремала в детской на неудобной софе, а он на диване в гостиной.

На том диване, на котором Гордей и Вячеслав вечерами смотрели футбол, пили пиво и смеялись.

Я не замечаю, как за своими мыслями я замешиваю жидкое тесто для оладий. Прижожу в себя лишь тогда, когда ставлю на конфорку сковороду, а Гордей все стоит на пороге кухни и молча за мной наблюдает.

Возможно, он, как и я, отключился от реальности, потому что когда я оглядываюсь на него, он моргает и приглаживает волосы.

— Ты уже не спишь, — говорить он.

Я приподнимаю бровь. Точно, потерялся.

— Да, Гордей, уже не сплю, — тихо отвечаю я, помешивая тесто большой деревянной ложкой.

— Петр написал, что они едут.

Петр — это мой папа. Я киваю.

Меня начинает точить чувство вины за то, что я папе вчера вечером лягнула про измену Гордея. Неужели не могла сдержаться? Или хотя бы отложить этот вопрос? Он сегодня

поедет в морг к другу, а я тут своими обидами.

— Папа сказал, что возьмет похороны на себя, — едва слышно отзываюсь я.

Гордей кивает, шарится по карманам и вытаскивает пачку сигарет:

— Пойду покурю.

Задумывается, переводит на меня взгляд, будто в первый раз меня видит, и торопливо выходит, сунув сигарету в зубы.

Почему он все еще здесь? Ему плохо и он не играет роль растерянного мужика, у которого умер отец, а в такие моменты люди плюют на многое и бегут туда, где можно выдохнуть.

Например, к любимой женщине хотя бы на пару часов, но Гордей здесь. Может, сейчас под предлогом выкурить сигарету, он выйдет на улицу и сорвется к той, кто должен быть с ним?

Но он возвращается, пропахший едким дымом сигарет. Молча помогает накрыть на стол, варит кофе.

В какой-то момент я все же беру его за руку, потому что невыносимо быть рядом с человеком, которого ни обнять, ни поцеловать, ни прижаться к его щеке, чтобы выразить взаимность в горе.

— К чему это? — спрашивает он, но руку не вытягивает.

— В каком смысле? — шепчу.

— В таком, — он не отводит взгляда. — Мне этого не надо, если потом мы все равно вернемся к разговору о разводе,

Ляль. Вот я о чем.

Глава 7. Жестокий вопрос

Гордей высокий и мне приходится приподнять лицо, чтобы посмотреть на него. Я понимаю, чего он от меня ждет. Того, чтобы я отринула сейчас от себя все сомнения, обиды и просто была с ним вопреки всему.

И я согласна с ним: мои попытки поддержать его с мыслями о том, что я все равно подниму вопрос о разводе, не про искренность, а только она может утолить эту боль в его груди.

Увы. Этого я дать не могу.

Я разжимаю его пальцы, и он хмыкает.

Прожить боль утраты я смогу со свекровью и детьми, потому что с ними нас не связывает грязная ложь.

Подхватываю графин с апельсиновым соком и выхожу из кухни в столовую.

Часть меня вопит о том, что я теряю мужа, что сейчас самолично толкаю его в объятия другой и признаю свое поражение.

Ставлю графин на стол и иду в гостиную, где на диване нахожу Алису и дочку Яну. Лежат, обнимаются и молчат.

Яна в пижаме. Растрепанная, заплаканная и опухшая.

— Лева еще спит?

— Нет, — раздается тихий и мрачный голос Левы с лестницы. — Не сплю.

Выглядываю из гостиной. Сидит на лестнице.

— И давно ты тут сидишь?

— Да что-то шел и сел. Вот и сижу, — пожимает плечами.

— Папа где?

— Папа накрывает на стол, — протягиваю руку. — Идем завтракать.

— Не хочу.

— А надо.

— А смысл?

— Смысл, Лев, в том, что ты живой, — к сыну выходит Гордей. — Вот такой простой смысл.

— Он что-нибудь сказал? — Лева смотрит на Гордея красными опухшими глазами.

— Нет, — у Гордея пульсирует венка на шее. — Лев, тебе не стоит об этом сейчас думать.

— Он быстро умер? — губы дрожат.

Гордей проводит рукой по лицу, смотрит в сторону и шагает к лестнице. Поднимается к сыну и садится рядом, а я пачусь и скрываюсь в гостиной.

Я сейчас тут лишняя.

— Мам, идем к нам, — сипит Яна.

Проваливаюсь в темноту и очухиваюсь на диване. Будто со стороны слышу мои тихие отстраненные слова:

— Завтрак остынет.

А затем я закрываю глаза.

Сознание цепляется за глупые мелочи в стремлении от-

влечься от страшной реальности, в которой вся семья впала в отчаяние. Лучше переживать о завтраке, чем о похоронах, будущем и сложном разговоре с детьми о разводе.

Вздрагиваю, когда Алиса сжимает мою ладонь.

— Ему ведь не было больно? — доносится тоскливый шепот Левы, и Алиса закусывает губы.

— Нет, не было.

Гордей врет.

Сердечный приступ и боль неотделимы, но нашему сыну сейчас незачем это знать.

— Дедушка хотел отвезти меня на рыбалку в следующие выходные, — отстраненно вздыхает Лев, — а я ему сказал, что... не хочу. Что это тупо и неинтересно.

Гордей молчит, и раздаются глухие всхлипы.

Когда человек болеет, то семья все равно привыкает к мысли, что путь близкого скоро окончится, а тут все случилось внезапно, и мы оказались не готовы.

— Гордей, — подает блеклый голос Алиса и садится.

— Да, мам?

Она тяжело встает, шагает к дверям гостиной и выходит к лестнице:

— О чем вы говорили до... ты понял меня...

— Нет, не понял, — глухо отзывается Гордей.

— Может, ты ему что-то сказал...

— Например?

— Я не знаю, — голос Алисы безжизненный.

— Ты сейчас намекаешь, что я могу быть виноват в его приступе? — напряженно спрашивает Гордей.

— Нет, я... — голос Алисы вздрагивает недоумением, будто она вынырнула из омута безумия, — господи... нет... Гордей... нет... Я... да что же я такое говорю?

Алиса возвращается в гостиную, в ужасе прикрыв рот ладонью, смотрит на меня и закрывает глаза.

— Я не могу... — бубнит она в ладонь. — Я не могу здесь находиться... Я сама не своя... Зачем ты меня оставил, Слава?

— Па, ты куда? — обеспокоенно спрашивает Лев.

— Покурить.

— Гордей, — Алиса кидается из гостиной, — сыночек, я не хотела... милый, я не знаю, зачем это тебе сказала.

— Мам, мы не успели с ним поговорить, — отвечает Гордей. — Он мне позвонил, попросил о встрече. Я приехал к нему в офис, он ко мне вышел и... все. Все, мам. Больше ничего.

— Гордей... Я не подумала...

— Я знаю, мам, все нормально, — хлопает дверь и воцаряется гнетущая тишина.

— Я к папе, — Яна соскакивает с дивана и бежит босая из гостиной.

— Я с тобой, — доносится тихий и сухой, как веточка, голос Льва и его тяжелая поступь.

Вновь поскрипывает входная дверь, и опять воздух дро-

жит от всхлипов Алисы, которая поддалась черной безнадёге и слабости. И эта слабость обратилась в жестокий вопрос.

Глава 8. Толстая акула

Дни перед похоронами сливаются в один липкий непонятный комок, из которого я не могу выцепить ничего четкого и конкретного, кроме того, как отпускаю ладонь Гордея и говорю ему:

— Ты прав. Это ни к чему. Нас ждет только развод.

В этот момент я осознанно лишила меня и Гордея открытого разговора в будущем. Теперь он точно не станет объясняться передо мной, ведь я приняла решение лишь на время сыграть спектакль для семьи, чтобы потом выйти из нее.

Я стояла рядом с ним на отпевании свекра, на самих похоронах, обнимала ревуших детей, а в голове начался отсчет до неизбежного.

— Мы все однажды умрем, — говорит Юрий Пастухов, который решил поймать меня в беседке и поболтать о жизни и смерти.

Толстый и жуткий мужик с мелкими зубами и острым взглядом. Один из деловых партнеров Вячеслава, и прицепился на поминках почему-то ко мне, будто больше не с кем повздыхать о несправедливости этого мира.

Я хотела передохнуть от толпы незнакомых мне людей, спряталась в беседке, но Пастухов нарушил мое тихое и задумчивое одиночество бесцеремонным вторжением в личное пространство.

На похоронах он очень внимательно следил за присутствующими, особенно за мной и Гордеем.

— Славик в принципе неплохо смотрелся в гробу, — хмыкает он.

Я разворачиваюсь к нему и вскидываю бровь.

— А что? Ты хочешь поспорить?

— Вы сейчас серьезно?

— Вполне.

И невозмутимо смотрит на меня.

— Такие разговоры...

— Какие такие? — он тоже вскидывает бровь. — Живым можно быть красивыми, а мертвым нет?

— Прекратите.

— Ой да ладно, — фыркает Пастухов и отмахивается от меня пухлой ладонью. — Есть такие страшные покойники...

— Остановитесь! — рявкаю я.

— Ладно, — Пастухов цыкает. — Могу закидать тебя тупыми банальностями, каким твой свекр был мировым мужиком, прекрасным семьянином, лучшим дедушкой, хватким дельцом и хорошим человеком.

— Оставьте меня.

— Что у вас с Гордеем? — Пастух резко меняет тему и тоже разворачивается ко мне.

Я аж открываю рот.

— Ага, — он шуруется. — Что, лучше поговорим о красивых и страшных покойниках, Лилия? М?

— Пошли прочь, — цежу я сквозь зубы.

— Да вот разбежался, — он копирует мои интонации, — я, как жирная акула, почуяла кровь. И мне Славик все мозги выжрал, какой у его сына замечательный брак. Такая любовь-морковь, да вот только нихрена я этого сегодня не увидел, Лиля. Ты хотела мужа в могилу столкнуть...

— Да что вы ко мне пристали...

— А твой муженек, — Пастухов скалится в улыбке, и его пухлые щеки приподнимаются в жутких складках, — утащил бы тебя с собой, но этого не случилось, увы. Только обычные похороны. Ничего нового и интересного. Только одни похороны на моем веку запомнились. Похороны моего брата.

— Мне неинтересно.

— На похороны моего брата заявила его любовница, — Пастух вздыхает. — При живой-то жене. О, — поглаживает себя по колену, — столько криков, визгов, слез... Кстати, его жена теперь моя жена.

— Чего?

— Я женился на жене моего брата, — Пастух пожимает плечами. — Вот такой я бессовестный, да, — вздыхает. — В общем, уловил я в этих похоронах что-то знакомое... флер семейной драмы, а я обожаю драмы, — вновь смотрит на меня. — И у меня на них нюх, как у охотничьей собаки.

— Так вы жирная акула или охотничья собака? — поскрипываю зубами.

— Гибрид, — серьезно отвечает Пастухов. — Когда надо акула, когда собака, иногда ленивый хомяк.

— Я ухожу, — встаю и шагаю прочь из беседки.

Иду по дорожке из мелкого гравия, в котором застревают каблуки, а затем останавливаюсь. У дома свекровь паркуется такси, а из него выплывает фигуристая брюнетка в черном платье. Кажется, это Вера.

— Вот оно что, — у меня руки дрожат. — Он все-таки тебя вызвонил...

— Прелестно, — отзывается рядом Пастухов и прячет руки в карманы брюк. — У нас тут все-таки драма, — косит на меня взгляд, — пойдешь патлы выдергивать этой сучке? А лучше сразу бей по сиськам, Лилия. Без предупреждения.

Перевожу на него разъяренный и отчаянный взгляд.

— Разбавь этот унылый и тоскливый день смерти громким скандалом жизни, — Юра подмигивает мне и вальяжно плывет по дорожке среди кустов к дому. — Сисястые любовницы и обманутые жены — это про жизнь, — оглядывается, — пойду сыграю черную печаль.

Глава 9. Что ты тут делаешь?

— Гордей...

Смерть не бывает красивой.

Вот и отец мой умер некрасиво, пусть со стороны выглядело, что он просто упал. Нет. Не просто упал.

У него закатились глаза, выступили вены на шее, и он издал какой-то клокочущий звук, что родился в его слабой груди. После он посмотрел на меня в последний раз, схватил за рукав пиджака и в последний раз вздрогнул в конвульсии.

Мой отец, который в детстве для меня был сильным великаном, взял и умер.

— Гордей...

Выпускаю дым из ноздрей. И как странно было видеть его в гробу со сложенными руками на груди.

— Гордей...

Кто-то поглаживает меня по спине, заглядывает в лицо, и я только через некоторое время понимаю, что это Вера.

— Что ты тут делаешь?

— Я понимаю, что не должна была... но я хотела побыть рядом...

— Я тебя не приглашал, Вер, — стряхиваю пепел в пепельницу.

— Да но... Как я могла не прийти? Я приехала, поздоровалась, домработница твоих родителей сказала, что ты тут и

что тебе пепельницу меняла в библиотеке. И заплакала.

— Блять, как же вы меня все заебали...

Затягиваюсь сигаретой медленно и глубоко в желании того, чтобы дым въелся в мои легкие черной копотью, отравил и лишил способности дышать.

Возвращаюсь мыслями к рукам отца, которые будто высохли после холодильника в морге. Пальцы узловатые, а под ногтями расплзлась у лунок расплзлась синюшность.

Мой отец мертв.

И он больше мне не позвонит, никаких встреч и разговоров. Его нет.

Был человек и за несколько секунд его не стало. Конечно, я знал, что люди умирают, но был совершенно не готов к тому, что мой папа тоже смертный человек.

Его очень любила Ляля.

Ляля.

Папа называл ее Цветочком.

Она права, мы бы могли все это пережить вместе, но “вместе” перестало существовать в тот момент, когда она все узнала.

И искать поддержки в женщине, которая с тобой все равно разведется, бессмысленно. С утра на кухне она за руку подержит, обнимет, а вечером вернется к женской обиде, которой я сейчас не могу ответить.

Я не в силах удовлетворить ее злость, а ее любовь и привязанность ко мне отравлена обманом, который не позво-

лит ей дать мне то, в чем я сейчас нуждаюсь. Безоговорочно быть рядом до того момента, когда появиться или не появиться желание поговорить. Сейчас я не чувствую ничего кроме глухого раздражения и бессилия.

— Милый, — воркует Вера, — как ты?

Она еще тут.

Видимо, женщинам не понять, что мужчин в момент смерти отцов, надо оставить в покое. Одна требует разговоров и скандала, вторая решила, что сейчас лучшее время показать свое равнодушие.

— Гордей... Я рядом...

А я просто хочу покурить один в библиотеке среди молчаливых книг, которым все равно на мертвых и живых.

Дверь распахивается и на пороге появляется бледная Ляля. Ну, это было ожидаемо, если честно.

— Это уже наглость, — усмехается она.

Тут не поспоришь, и какая удачная причина разразиться в криках и слезах.

— Я пришла высказать свои соболезнования, — Вера встает. — Такая трагедия...

— Тебя тут не должно быть, — зло отвечает Ляля. — Как у тебя совести хватило...

— Уходи, Ляль, — вдыхаю я и тушу окурок в пепельнице. — Я скоро вернусь.

Можно, конечно, рассыпаться в оправданиях, что я не звал Веру, но нахуя, если это ничего не изменит?

Я все равно останусь козлом, уродом, мерзавцем и него-
деем, который трахался на стороне.

Сгорел сарай, гори и хата.

— Мне повторить? — сую в зубы новую сигарету.

Щелкаю зажигалкой.

Вера возвращается ко мне на подлокотник и печально
вздыхает.

— Я сейчас спущусь, дорогая, — бросаю зажигалку на
столик. — И дверь за собой закрой.

Иначе я не могу. Холодные слова сами вылетают, будто я
хочу специально усугубить ситуацию.

— Ты должна уйти, — тихо отзывается Ляля, — это
неуважительно к нашей семье, — смотрит на меня с вызо-
вом, — или мне позвать наших детей, чтобы ты их познако-
мил со своей потаскухой?

— А такая сцена с детьми и скандалом, — тихо и холодно
отвечает Вера, — будет очень уважительная? Лилия, мы ведь
взрослые люди, верно? — пауза. — И мне... я понимаю, что
сейчас не самое подходящее время, но раз твоя жена в курсе,
— кладет руку на живот, — то мне надо что-то вам сказать.

Глава 10. Десять из десяти

Смотрю на Веру, и смеюсь, выдыхая толчками дым изо рта и носа. Ляля тоже смеется. Тональность нашего смеха одинаковая.

Недоумение и отчаяние.

Если люди смеются на поминках, то только так. На грани истерики.

— Ну, — Ляля прижимает пальцы к губам, — вы пошли прямо-таки по банальному сценарию. Беременна? — смотрит на Веру. — Чего ты, сука такая, ждешь?

Закрывает дверь и делает шаг.

Ух, она прямо пантера в этом скромном черном платье и узких перчатках.

— Поздравлений? — вскидывает бровь. — У нас тут похороны, а ты, Вера, любовница. И ты уж прости, но мозгов должно хватить, что такие новости стоит придержать при себе.

Тушу очередной окурок.

Видимо, женские дразги — это очень важно, но они во мне будят не просто раздражение, а слепую ярость, которая просыпается в человеке, когда уходит контроль над ситуацией.

— Я вас оставляю, — встаю и шагаю прочь. — Вернусь к детям.

— Она же от тебя залетела, — шепчет Ляля.

— Гордей, — сипит Вера.

Одна подаст на развод, вторая устроит вакханалию с установлением отцовства и громкими криками об алиментах. Я не первый и не последний, кто оказался в такой ситуации.

Похуй.

Как же мне похуй на все это дерьмище.

Я все еще чувствую стальную хватку смерти на своем рукаве, слышу предсмертные всхрипы отца и вижу в его глазах ужас.

Пусть грызутся. У Ляли отличный оппонент, на которого она может вылить свое недовольство, добиться скандала.

— Гордей.

И сейчас я не различаю, кто именно меня окликнул. Да и однохуйственно, если честно. Выхожу из библиотеки, иду по коридору и на меня чуть не налетает Пастухов жирным бегемотом.

— Вот ты где...

— Пошел нахуй, — рычу я. — Не сейчас, Юра. Не сейчас.

Беглый взгляд на него, и он хватается меня за рукав:

— Куда собрался? — его голос меняется с шутливого на серьезный и строгий.

— Да отъебись ты!

Удивляюсь тому, какая у него теплая и мягкая щека под моим кулаком и как забавно сминается его круглое лицо.

Затем и от него следует четкий удар под дых, от которого

я выкашливаю на его рожу брызги слюны.

Я отвечаю ему кулаком в его жирный бок, а после мы хватаем друг друга за грудки и всматриваемся друг другу в глаза.

— Съебал нахуй отсюда.

— Хуй тебе на твою морду, — шипит в ответ. — Вместе съедем. Мне тут тоже не нравится. Охуеть как не нравится. Меня каждый раз на похоронах накрывает страх, что мой гроб будет, блять, огромным. Квадратный такой...

Бью лбом по его носу, который влажно и неприятно хрустит.

— Вот мудила...

И он мне тоже по роже лбом заезжает. Опять хруст, боль, что пробивает до мозгов, и я слышу:

— Ну, какие похороны без драки, да? — а затем повышает голос. — Пошли, придурочный, — тащит меня прочь, — весь в отца. Тоже был любитель разбивать и ломать носы.

Затаскивает меня в отцовский кабинет, толкает на диванчик, и я стираю кровь под носом тыльной стороной ладони.

— И теперь я тебя хуй отсюда выпущу, — щелкает замком и прячет ключ в кармане, — пока мы с тобой не нажремся до пороссячьего визга.

Все его губы, подбородок и даже второй подбородок в крови.

— И если бы твой отец сейчас был жив, то я бы его придушил, урода, голыми руками, — цедит сквозь зубы. — Я не

планировал быть на его похоронах еще лет десять.

— Да я этого говна уже столько наслушался...

— Да мне начхать, — Юра садится рядом. — Послушаешь еще. Я еще порыдать планирую.

— Чо ты несешь? — в моей груди клокочет гнев и не находит выхода.

— Рыдаю я отвратительно, Гордей, — с угрозой смотрит на меня. — А моим ребятам еще тащить мою пьяную тушу отсюда. И пьяным меня тянет на приключения.

— Свали...

— У твоего отца на нижней полке, вот там, — указывает на шкаф у рабочего стола из темного дуба, — бутылочка пятнадцатилетнего шотландского виски, который я ему недавно сунул, — смотрит на меня. — У него всегда так лицо вытягивалось, когда я ему дорогую бурду дарил. Трезвенник, етить колотить, а таких одно удовольствие подбешивать.

— Так это ты его заваливал бутылками? — медленно выдыхаю, и на языке расплзается соноватая кровь.

— Да. И выбирал самое лучшее, — встает и похрустывает шеей. — Видимо, — шагает к шкафу, — я готовился к его поминкам. Жопой свой необъемной чуял, как говорится, — с побряхтыванием наклоняется и открывает нижние полки шкафа. — Если у меня сейчас еще и брюки разойдутся по швам на заднице, то я поставлю этим похоронам десять и десяти.

Глава 11. Хочу посмотреть в твои глаза

— Ты, кажется, не на это рассчитывала? — мило улыбаюсь бледной Вере, которая приподнимает подбородок. — Сюрприз, мой муж может быть и таким. А теперь уходи.

— Он — отец.

Пятнадцать лет брака — это не пшик.

Будь нашим отношениям с Гордеем пара месяцев, я бы, наверное, разрыдалась, убежала, однако я не только его жена пятнадцать лет, но еще и член его семьи.

Приходит осознание, что семья - это нечто большее, чем отношения мужчины и женщины.

Это, например, еще и родственники, с которыми у меня хорошие, теплые и близкие отношения.

Это наши дети.

И я твердо уверена, что о своей беременности Вера должна была сказать в иной обстановке, а она воспользовалась моментом, когда вся семья в раздрае.

Чтобы добить?

— У тебя воды отошли? — спрашиваю я.

— Что?

— Воды отошли? — тихо повторяю я.

— Нет...

— Верно, — подхожу к ней. — И тебя сейчас на роды не отвезут. И даже живота еще нет. Понимаешь, к чему я клоню?

Нет, она, похоже, не понимает.

— Во-первых, сейчас не время и не место говорить о своем положении, — недобро шурюсь, — во-вторых, у тебя еще вагон времени, чтобы обсудить свою беременность с Гордеем. А теперь тебе стоит уйти. Прояви уважение к семье, в которую ты решила сунуть нос. Это и в твоих интересах, чтобы похороны прошли спокойно, без скандалов и новых потрясений.

А затем я слышу непонятную возню, рык и удары. Торопливо выхожу в коридор и устало вздыхаю, наблюдая за тем, как Гордей и Пастухов разбивают с матами друг другу носы.

Вот оно торжество жизни над смертью? Тупая драка между двумя мужиками, которые схлестнулись в коридоре из-за скачка адреналина.

Хотя, может быть, этого и жаждал Гордей, потому что в нем вспыхивает живая агрессия, пусть и слепая.

Это не глухое и тихое раздражение, а свирепость, которая вскрывает души и выпускает боль, как вонючий гной из раны.

— Гордей, — сипит рядом Вера, но для Гордея не существует ни меня, ни ее.

Только толстый Пастухов, которому можно ударить в челюсть, и получить в ответ кулаком в солнечное сплетение.

Ловлю себя на мысли, что сама хочу ввязаться в драку, чтобы выплеснуть гниль из души. Смотрю на Веру и немного прищуриваюсь, оценивая свои силы.

И я бы помутузила ее не за то, что легла под моего мужа, а потому, что бесит. Бесит ее платье, из которого в любой момент выскочат ее сиськи.

Бесит ее наглость.

Бесит ее уверенность, что я уже не в игре, раз она так обнаглела.

И ведь для моей свекрови, например, появление Веры не будет странным, потому что она же одноклассница. Та девочка, которая помогала ее сыну с контрольными по ее просьбе. И они так хорошо дружили.

Только ли дружили, раз сейчас снюхались спустя столько лет?

Юра и Гордей тем временем скрываются в кабинете моего свекра с агрессивной возней и матами.

— Ты его у меня тогда увела, — неожиданно говорит Вера.

— Чего? Увела? — у меня брови ползут на лоб.

Если Вера была одноклассницей, то я — дочь друзей его родителей. На два года младше Гордея. Нас с детства преследовали разговоры и шутки, что для красавчика подрастает невеста, но до моих восемнадцати лет мы вежливо игнорировали друг друга.

Гордей казался мне наглым, грубым и неотесанным при-

дурком, который однажды на совместном отдыхе в летнем домике моих будущих свекров выплыл ко мне из ванной в одном полотенце.

— Чего рот открыла, мелкая? — спросил он тогда. — Заблудилась? Это моя комната.

А затем у него сползло полотенце, и собственно с того момента он решил, что “мелкую” можно взять в оборот, и я втрескалась в его наглость по уши. Он добивался меня, прохода не давал, устраивал мне такой аттракцион эмоций, что от одного его прикосновения мои трусики становились мокрыми.

— Ляль, — к нас с лестницы выходит мой папа, — где Гордей? — останавливается. Смотрит на Веру, потом на меня.

— С Пастуховым в кабинете, — тихо отвечаю я, беру Веру под локоток и криво улыбаюсь. — А это Вера, его одноклассница. Пришла выразить соболезнования и уже уходит.

— Я без разговора с тобой не уйду, — тихо заявляет Вера мне на ухо.

Точно напрашивается на то, чтобы я ей врезала по ее дойкам.

— Мы уединимся, па, в библиотеке... Видимо, не все сказала.

Спешно увожу ее в библиотеку, закрываю двери на ключ и резко разворачиваюсь к гадине, которая усмехается и вскидывает подбородок.

— Вер, чего ты добиваешься? — едва слышно спрашиваю я. — Ты понимаешь, что сейчас ты ведешь себя откровенно по-хамски? У нас тут похороны. Или ты нарываешься на скандал? И чего ты от него ждешь?

— Я не хочу скандала, — Вера качает головой. — Я хочу посмотреть в твои глаза, Лиля. Ну, как оно?

— Ты о чем? — подхожу к ней вплотную. — Я не уводила тогда у тебя Гордея, ясно?

— Ты так думаешь?

— Я не вклинивалась между вами, — зло шепчу я. — Да у вас отношений не было. Ты не была ему...

— Я, сучка ты блондинистая, его любила, — шипит на меня разъяренной гадюкой. — Любила. Это я должна была быть его женой, а не ты. Не ты. Но с моим папой не дружил его папа, да?

— Наш брак не был договорным, — сглатываю. — Потому что договорной брак подразумевает, дура ты такая, выгоду, а моя семья не была богатой. Ясно? Их отцы дружили не из-за того, что они могли объединить капиталы.

— Вот по дружбе и подсунули тебя...

— Мы любили друг друга, — невесело отзываюсь я, а у самой от этих слов сердце чуть не останавливается. — Может, ты там где-то в сторонке стояла и вздыхала, но я не уводила его, не отбивала... — устало сжимаю переносицу. — Это уже не имеет никакого значения, — поднимаю взгляд на Веру. — И знаешь, ты ведь сегодня сама взяла и поднаслала

своему плану быть счастливой с чужим мужем.

Тень недоумения на холеном гладком лице.

— Ты сегодня начала, — смеюсь, — ебать ему мозги. Сегодня. В день похорон его отца, — опять короткий истеричный смешок. — Что, не удержалась? Так хотелось выползти из тени и показать себя красивую? Пометить кобеля? — смеюсь на грани истерики. — Вер... твоё главное достоинство было то, что ты не ебала ему мозги. Прикинь? — моё лицо растягивается в улыбке. — А ты тут со своим пузом, которого даже не видно. Ты чего так поторопилась-то? Срывается с крючка?

Глава 12. Что за подруга?

Вера, может, и была отличницей в школе, но по жизни она двоечница. Я сама-то в жизни не очень умная баба, но сейчас прекрасно осознаю, что она совершила ошибку.

Она должна была смиренно ждать Гордея, а она пошла в атаку. Да еще в такой момент, когда ее “школьная любовь” потерял отца.

— Теперь и ты ковырнула ему мозги, — шурюсь на Веру.

— Если он тебе рассказал о нас... то...

— То что? — вскидываю бровь. — Он потащит тебя к алтарю?

— Значит, что он устал скрывать нашу связь.

— Ты меня извини, — закидываю ногу на ногу. — Два месяца маловато, чтобы устать скрывать связь. Или ты хочешь сказать, что он все эти годы любил тебя?

При моем появлении в библиотеке с гневными словами, что она должна уйти, и при раздраженном ответе Гордея, который попросил меня оставить их и закрыть дверь, она сделала неверный вывод.

Нет, она этот вывод сделала раньше. Гордей мог ей сказать, что я знаю о его интрижке, но не вдаваться в подробности. Он любит недоговаривать многие детали, если их не уточнять. И эта лохудра подумала, что он сам вскрыл карты

передо мной и хочет быть с ней?

— Как быстро ты меня списала со счетов, — приглаживаю волосы и поправляю перчатки. — Меня, наших детей...

У любовниц часто сомнительные ожидания при своем появлении в жизни обманутой жены.

Они почему-то считают, что если они показали свое мурло, то жена должна в слезах и соплях сразу отойти в сторону. Нет. Даже не отойти, а сбежать с голой жопой, потому что мы же гордые и мы возьмем и безоговорочно уступим место новой бабе.

С какого ляда, спрашивается?

Наверное, в картине мира Верочки я сейчас побегу хватать детей, чтобы скрыться в истерике с похорон.

Хотя нет. Я должна уйти тихо, поджав губы и сдерживая в себе слезы, а после в своей женской гордости я не позволю детям общаться с папочкой и настрою против него. Очень удобно. Дети из-за матери-суки не будут мешаться под ее ногами, и не она в этом виновата.

Идеальный вариант для любой потаскухи, которая полезла на женатого мужика и решившая, что теперь она его судьба.

Можно еще отказаться от алиментов, от дележки имущества. Жены ведь гордые, и рвут с мужьями-кобелями все связи. Нас обидели, нас запачкали, поэтому нам ничего не надо.

Мой момент для неумемной гордыни упущен. Я приняла решение по-человечески проводить в последний путь свек-

ра, минимизировать трагедию для детей и родственников.

И Вера сейчас лишняя с ее ожиданиями, новостями, глупыми выводами и нетерпеливостью.

Лишняя для меня и моих детей. Они имеют право прожить горе без скандала на поминках и без истерики мамы, которая ударит по голове новостью о беременной любовнице отца.

Этот разговор будет позже. Тогда, когда я сама все осознаю и приду к спокойной отстраненности от ревности, обиды и злости.

— Не он мне все рассказал, — разминаю пальцы в узких перчатках. — Нет, Вера. Он не раскрывал мне вашу связь со словами, что устал и что уходит от меня такой противной сучки к любимой женщине. Ты думаешь, что все было так?

Жду ответа, но Вера лишь немного щурится. Вот теперь она чувствует своей округлой упругой жопой, что зря рискнула, и раздумывает, наверное, над тем, а есть ли шанс вновь вернуться в образ милой и понимающей красотки, в чьих сиськах можно спрятаться от мегеры-жены.

— Нет, Вер, все было немного иначе. Мне сдала вас подруга, а потом я его допекла расспросами, и он мне сказал, что это ты. Чтобы я от него отстала. Поторопилась ты.

И вновь смеюсь:

— Женщина, к которой он убегал от надоевшей жены, решила права покачать? Он не это в тебе искал, — прохожу к столику и падаю в кресло. Откидываюсь назад. — Еще жи-

вотик погладила. Господи... — потираю левую бровь пальцами. — Можешь пойти дальше. Давай, подкати к его маме, к нашим детям. Контрольный в голову, так сказать.

— И где нас видела твоя подруга? — Вера оглядывается.
— И когда?

— А какое это имеет значение?

Глава 13. Выпьешь за это?

В дверь стучат, и Юра неуклюже роется в кармане в поисках ключа. Я уже плыву на волнах алкогольных паров и едва попадаю в рот фильтром сигареты.

— Пароль, — Юра вытряхивает из кармана ключи на пол и с побряхтыванием наклоняется к ним.

— Юр, я так и знал, что это ты, — раздается недовольный голос Петра, моего тестя.

— Пароль принят, — Юра подхватывает ключи, открывает дверь и рывком затаскивает Петра в кабинет. — Петруха...

Торопливо закрывает дверь и приваливается к ней с пьяной улыбкой.

— Серьезно? — Петр в негодовании смотрит на него.

— А чо?

Петр приглаживает волосы, отходит к столу и смотрит в окно, сердито прищурившись на воробья по ту сторону:

— Юр... Я же тебя просил не страдать хуйней.

Выдыхаю дым и закрываю глаза, откинувшись назад.

— Чо ты как в первый раз кого-то хоронишь, — Юра хмыкает. — Ты уж извини, ты уже старый и это нормально, когда все кругомдохнут, как мухи.

— Он мой друг! — Петр оглядывается. — Тебе, возможно, непонятна эта концепция, но...

— Ты мне тут не бузи...

— Тебе все смехуечки, да?

— А слезки помогут друга-то вернуть, Петруха? — Юра скидывает бровь и опять прячет ключи в карман брюк.

— Где твоё уважение?

Юра плывет к столу, открывает бутылку виски, наливает в бокал на два пальца и протягивает его Петру:

— За уважение, и сразу предупрежу, если вздумаешь кулаки чесать, то давай не о мой нос. У меня много других интересных мест.

Петр выхватывает бокал с виски и опрокидывает его в себя, а после утыкается в локтевой сгиб. Зажмуривается, а Юра падает в кресло с бутылкой виски, которую прижимает к груди.

— Ты бы не мог нас оставить, — говорит ему Петр.

— Нет, — Юра качает головой.

— Да твою ж мать.

— А чего ты ждал?

— Что у тебя есть хоть крупица приличий.

— У меня много жира, но приличий нет.

Петр переводит на меня взгляд, по которому я понимаю, что Ляля ему рассказала, какой я кобель. И под этим молчаливым и тяжелым взором я тушу окурок, вытягиваю бутылку виски из рук Юры и пью прямо из горла.

— В твоих глазах я вижу гнев судьбы и обманутые надежды, — пьяно тянет Юра и усмехается. — И я, если чо, разнимать

вас не буду, но обязательно сниму, — достает телефон, — на камеру, — смотрит на Петра, — выкладывать нигде не буду, но на память оставлю.

— Она посмела сюда явиться, — шипит Петр.

— Я ее не приглашал, — пожимаю плечами и возвращаю бутылку Юре, который заинтересованно затихает.

— Значит, позволил думать, что ты ей спустишь подобное.

— Что ты на это ответишь? — Юра разворачивается ко мне, закинув руку на спинку кресла. — Как оправдаешься?

— Никак.

— Я доверил тебе свою дочь...

— Свое золотко, — кивает Юра.

— Юр, заткнись.

— Я тут тебя всячески поддерживаю.

— Да в жопу твою поддержку!

— Да ты нихрена от него сейчас не добьешься. Это как до фонарного столба сейчас доебываться, — Юра делает глоток виски. — Но я могу за компанию попричитать с тобой. Это очень приятно.

— Я не ожидал от тебя такого, — Петр поскрипывает зубами.

— Да, как ты мог? Она тебе детей родила, — Юра с наигранной печалью вздыхает. — А ты в большие сиськи нырнул.

— Юра, блять!

— Что? — Юра смотрит на разъяренного Петра. — Ты

видел ее сиськи?

— Я тебя в окно выкину, — рычит Петр.

— А я как мячик оп и обратно, — Юра расплывается в улыбке. — И мы еще не в той кондиции, чтобы слюни распускать, — протягивает бутылку, — и говорить по душам. Есть, конечно, риск, что мы придем к мычанию по душам, но...

— Там люди ждут, — Петр сжимает кулаки.

— Да похуй. Человека закопали, канаве со вкусом слез покушали, повздыхали, а теперь сами найдут выход. Не потеряются.

Медленно сползаю в лежачее положение.

Я не чувствую своих внутренностей, будто я внутри полый, а тихое сердцебиение — лишь отголоски жизни, что покинула меня.

— Не время бить зятя по попке ремнем, — Юра трясет бутылкой перед Петром. — А любая порка должна быть результативной, а ты даже не знаешь, какой результат должен быть.

— Результат будет один, — закидываю ноги на подлокотник диванчика, — развод, — закрываю глаза, — Лилия Петровна — птица гордая, а я — вшивый кобель.

— Выпьешь за это? — с коротким смешком спрашивает Юра.

Глава 14. Детка

Гордей, Лева и Яна сидят у пруда. Он вусмерть пьяный, и я в нескольких шагах чувствую алкогольные пары, но это совершенно не пугает наших детей.

Привалились к нему с двух сторон, а он держит их за руки и молча покачивается в пьяном угаре.

Уже темно и прохладно.

Гости все разошлись. Алиса с мамой и с пьяным папой сидят на кухне и вспоминают, каким был мой свекр, периодически срываясь в слезы и риторические вопросы "как же так?" и "почему?".

А я ищу не Гордея, даже не детей, а Пастухова. Он где-то потерялся.

Нет, он не уехал. Его ждет водитель, который пытался несколько раз дозвониться до этого толстого клоуна, который устроил в кабинете самую настоящую попойку.

Мой папа и Гордей чуть ли не выползли на бровях из кабинета, после пытались устроить драку у лестницы, но разошлись... Ну, как разошлись. Расползлись в разные стороны, обещая друг другу серьезные разговоры завтра, а сегодня же траур.

Надо уважать мертвых.

А Пастухов испарился, и я не могу понять, как ему это удалось.

Как и того, что подруга моя дала мне, по словам Веры, дезинформацию.

Не были они у отеля “Валетайн” и не обжимались на парковке. После этой ремарки Верочка ушла. Могла, конечно, солгать, но смысл?

А смысл Алке придумывать небылицы?

И только сейчас я понимаю, что в ее рассказе было мало конкретики о той, кого тискал за жопу Гордей. Да, проскользнуло, что была брюнетка, но сколько в мире брюнеток?

У Алки фонтанировали эмоции, которые и меня захлестнули и кинули на виток ревности и возмущения.

Да глупость какая. Нахрена Алке врать? Чтобы что?

Ничего не понимаю, блин.

— Мам, — Яна оглядывается, — идем к нам.

— Ребят, холодно, — кутаюсь в легкую шаль. — Давайте в дом, а я ищу друга папы.

— Какого? — неразборчиво и удивленно вопрошает Гордей.

Оборачивается и падает с тяжелым вздохом.

— Пастухова, — сдержанно отвечаю я. — Где он?

— Он мне не друг.

Лева помогает Гордею сесть, и тот его рывком привлекает к себе и прижимается щекой к его виску. Опять тяжело вздыхает.

— Где он может быть?

— Я не знаю, — глухо отвечает Гордей. — Спит, может,

где. Может, пешком ушел?

— За территорию никто не выходил.

Обнимает Яну, и целует ее в макушку. Очень трогательно, если не знать, что у папули есть беременная любовница.

Прикусываю язык, чтобы сдержать себя от опрометчивых слов.

— Лева, Яночка, уже поздно, — тихо говорю я. — Помогите папе встать, добраться до дома и уложите его спать, — включаю фонарик на смартфоне, — я пойду Пастухова искать. И сами ложитесь. Я к вам потом загляну.

— Пойдем, пап...

А я торопливо ретируюсь, потому что задержусь и выплесну на детей всю правду. Сорвусь, и будет мне все равно до уважения к мертвым, живым, близким и родным.

Эгоизм, требующий криков и некрасивой истерики, когтями и клыками дерет сердце.

И если я сейчас найду Пастухова, то отбущаю его, как грушу для битья.

Будет смешно, если он где-то тоже помер.

Почему-то мне кажется, это было бы в стиле этой жирной акулы, которая хочет стать частью нашей семейной драмы и еще хочет усугубить ее и изуродовать.

Тяжелые шаги, и я останавливаюсь среди кустов роз. Шаги затихают, только вдохи и выдохи становятся громче и тяжелее.

— Гордей, это ты?

— Да.

— Чего тебе.

— Ищу Юру, — пьяно причмокивает и опять вздыхает.

— А тут ты. Детей отправил спать... Они даже меня послушались.

Он еле ворочает языком. Оглядываюсь. Высокая широкоплечая тень покачивается.

— Ты едва на ногах держишься. Зачем так пить?

— Опять начала.

— Мне теперь тебе и слова не сказать?

— Да, я бы предпочел, чтобы ты молчала.

— Ясно, — поджимаю губы и иду дальше.

Гордей пыхтящим кабаном прется за мной. Я опять останавливаюсь. Он — тоже. Я молча оборачиваюсь.

— У тебя фонарик, детка, а у меня его нет. Светоносная ты моя... — икает и тяжело выдыхает, отмахиваясь от комаров. — Детка.

А меня от “детки” озноб пробирает.

Под одним из кустов садовник свекров забыл секатор и перчатки. Я на суде могу прикрыться состоянием аффекта, если сейчас воткну секатор в шею Гордея несколько раз?

— Я тебе не детка, — цежу я сквозь зубы.

Глава 15. Дорогая моя жена

— Точно, ну какая же ты детка, — цыкает Гордей. — Дорогая же... тебя не тошнит от этого слова? — медленно повторяет. — Дорогая... дорогой, — а затем копирует мои интонации, — дорогой, я сегодня с подружками на встречу побегу.

А после вскидывает руку, имитируя женскую позу кокетливого превосходства. Это одновременно нелепо и жутко. Здоровый мужичище изображает женщину с явными проблемами в координации.

— Я себя так не веду.

— Ведешь.

— Нет.

— Да.

— За что ты меня так ненавидишь? Или Вера права? Я встала между тобой и ею, и ты женился на мне, потому что я дочка друзей твоих родителей, которые сказали, что надо жениться на этой хорошей девочке?

— Вот ты кем меня считаешь? Тем, кто женится по указке родителей? Верочка спизданула хуйню, а она тебе понравилась, да?

— Я просто хочу понять...

— Понять! Нахуя тебе все это понимать, Ляля?

Замолкаю. Действительно, а зачем мне все это понимать?

Для чего? Увидеть свои ошибки?

Нет. Я не кидала его в постель к Вере и не принуждала к сексу с ней.

Понять Гордея?

Нет. Я не пойму, почему он полез на другую бабу, что бы он ни сказал сейчас. Не пойму и не приму.

Я хочу его извинений, раскаяния, но не для того, чтобы простить, а чтобы почувствовать хоть ненадолго свое превосходство в ситуации, в которой меня втоптали в грязь.

Я хочу его унижений. Я хочу реванша, в котором я красиво пну его и плюну, отказав в прощении.

Я хочу, чтобы он остался в луже со своей Верочкой и рвал волосы на всех доступных местах, сожалея, что потерял меня.

Я хочу наказать его.

Вот оно. Я требую наказания, ответного удара, который размажет его, а не понять. Я не хочу понимать, потому что жопой чувую, что ждет меня полный пиздец, а не просто развод.

— Что ты замолчала, дорогая?

Отступаю.

И дело не в том, что я, такая и растакая, сама виновата в изменах мужа. Тут что-то другое. Черное, липкое и с гнилым дыханием. И коснется оно не только меня и Гордея, но и других.

— У меня вопрос, дорогая...

— Нет.

— Ты же хотела поговорить, — надвигается на меня тенью, что угрюмо пошатывается. — А я пьян и завтра нихуя не вспомню.

— Оставь меня... Мы все решили, Гордей. Мы разводимся. Переждем время для детей и разойдемся, — хрипло шепчу я. — Я думаю, что можем упустить причину, почему разводимся.

— Кто тебе сказал обо мне и Вере?

— Уходи.

— Алла?

Я молчу и отступаю дальше, крепче сжимая телефон.

— А Аллочка у нас... мmmm.... принеси-подай у моего отца работает, да?

— Работала... Она уволилась пару лет назад.

— И не пришла на похороны? — Гордей все ближе и ближе. — Почему?

— Отвали...

— Почему?! — гаркает Гордей. — Почему ее не было?!
Отвечай!

— Я не знаю! Не знаю!

Гордей кидается ко мне. Неуклюже хватая меня за шаль, теряет равновесие и мы падаем на влажную землю.

— Какова вероятность, — шипит он мне в лицо, и у меня глаза слезятся от резких алкогольных паров, — что она и моему отцу нажужжала в уши обо мне и Вере, а? Какова

вероятность?!

Задыхаюсь. Шуршат кусты, раздаётся тяжело побряхтывание и кто-то стаскивает с меня разъяренного Гордея:

— Да чтоб тебя, — раздаётся пьяный голос Пастухова. — Отстань от девочки. Гордей, мать твою!

— А, может, это твоя Вера постаралась?! — вскакиваю на ноги и кидаюсь к Гордею, но его толстый дружок отпихивает его в сторону и ловит меня на полпути. — Может, она звякнула твоему папе и обрадовала, что он станет дедушкой?

— Да тихо ты... — ворчит Пастухов. — Ты тоже, что ли, успела намахнуть?

— Вера тупая! — рычит Гордей в ответ. — А тут сыграно, дрянь ты такая, как по нотам!

Пастух мягко отталкивает меня, обратно к Гордею разворачивается и тащит его прочь:

— Все, успокоился, успокоился... Гордей, блять, мы падаем!

И они падают в розовые кусты с невнятными матами и хрустом стеблей. Поправляю шаль на плечах и в шоке молчу.

— Это пиздец, Гордей, — тяжело вздыхает Пастухов, — у меня вся жопа в колючках.

Глава 16. Цветочек

— Алиса спать легла, — говорит мама, когда я захожу на кухню.

— Папа?

— И папу уложила, — мама зевает и подпирает лицо кулаком. — Я его просила Пастухова не звать.

— Гордей и это боров сейчас в кустах лежат, — сажусь за стол и скидываю шаль. — Я так хотела всего этого бардака избежать...

— Где Пастухов, там всегда цирк, — мама с неприязнью кривится, — а он главный клоун.

Опираюсь локтями о столешницу и прячу лицо в холодных ладонях.

Так и хочется попросить маму, чтобы она взяла на себя контроль детей, а сама бы я спряталась одна в тихий уголок, чтобы никто не трогал.

И было бы неплохо, чтобы кто-нибудь взял нас с Гордеем и развел, объяснил все детям, и мы пришли в себя уже не в браке.

— Такая трагедия...

В груди поднимается лютая злость на эти слова, будто меня покусал Гордей и заразил тем, что отравило и его.

Я не хочу больше слушать все эти причитания.

Не хочу размышлять о “такой трагедии” и не хочу видеть

слезы.

Мне кажется, что аж кости хрустят от ярости на тихий голос мамы:

— Рано ушел.

Я не хочу больше слышать всего этого. Меня тошнит.

Физически тошнит.

Почему?

Только полчаса назад я была другой. Я чувствовала себя иначе, а сейчас меня трясет от злобы.

Я хочу заткнуть маму, нагрубить ей и сказать, чтобы она прекратила сыпать на меня тоской и отчаянием.

Это не поможет.

Не вернет свекра.

Не обнулит измену Гордея.

И не объяснит, какого черта Алла мне солгала и почему ее не было на похоронах.

Вот точно говорят, что безумие заразно. Гордей коснулся меня своей закопченной до черна душой, и меня накрыло.

Потому что я чувствую свою вину в смерти свекра, которому могла позвонить Алла. А Алла — моя подруга. Моя.

И это я однажды попросила свекра принять Аллу на работу, а он никогда не мог мне отказать.

Она хорошо справлялась со своими обязанностями, Вячеслав был ею доволен, и после увольнения они поддерживали вежливую связь. Она ему привет через меня всегда передавала.

Я почему-то вскакиваю на ноги, будто меня за пятки укусила скользкая холодная жаба.

— Ляль...

— Нет... — отступаю от стола.

Почему Алла тогда уволилась?

Она открыла свой небольшой бизнес. Несколько цветочных ларьков в хороших “рыбных” местах.

— Ляль...

Вячеслав изменял Алисе с моей подругой? И не она сама исполнила мечту открыть свое дело, а ей помог мой свекр за “особые” услуги?

И все равно это никак не сходится с ее ложью о Гордее и Вере. Чего она этим добивалась?

— Ляль...

— Тихо, мам.

— Милая...

— Я должна побыть одна.

И я сбегая, как сбегал Гордей. Бегу по лестнице на второй этаж, врываюсь в кабинет свекра и запираюсь в нем.

Я с каждым часом в этом доме ухожу в грязь все глубже и глубже.

С нашей семьей не все в порядке, и Гордей с Верой — лишь часть секретов. Дышать нечем.

Я должна остановить себя, потому что уже неважно, была ли у свекра любовница и кем она была. Алла или нет.

Он мертв.

Но я уже роюсь в ящиках стола, нырнув на дно безумия. Вытаскиваю папки, пролистываю документы, перебираю бумажку за бумажкой. Я не знаю, что ищу, но меня уже не отрезвить.

В ежедневнике нахожу нашу с Гордеем фотографию с детьми. Несколько секунд на нее смотрю и откладываю в сторону.

Кусаю губы и встаю. Поищу в шкафу. Не дай бог, Алиса найдет хоть что-то связанное с интрижкой мужа и Аллы.

Это будет... Я даже не знаю, что будет, но Вячеслав должен остаться для нее любимым и верным мужем после смерти.

Открываю шкаф. За очередными папками нахожу сейф. Руки трясутся. Кусаю ногти и ввожу дату рождения Аллы. Не принимает.

День рождение Алисы тоже. Гордей тоже летит мимо, как и наш старший сын, хотя свекр любил шутить, что все его пароли связаны с внуком.

Мои пальцы замирают в миллиметре от кнопок. Делаю глубокий вдох и использую последнюю попытку. У меня выбор между двумя вариантами — день нашей свадьбы с Гордеем и датой моего рождения со звездочкой после цифр, потому что звездочка похожа на цветочек.

А я была для Вячеслава Цветочком. И как-то раз он сказал, что “звездочка-цветочек” на клавиатуре ноутбука напоминает ему обо мне.

Сглатываю и набираю цифры под тихий писк дрожащими пальцами...

290488*

Глава 17. Сюрприз

Сейф принимает мой пароль, и у меня сердце падает куда-то в живот тяжелым камнем.

Предчувствие нехорошего нарастает, и между лопаток расползается липкое пятно неотвратимости.

В сейфе нахожу пачки из стодолларовых купюр, небольшие слитки золота, бархатный мешочек с россыпью алмазов и папку из желтого картона.

С потрепанными краями.

А в ней я нахожу фотографии.

Мои фотографии, которые я роняю на пол и пячусь в ужасе.

Какие-то снимки я вижу в первый раз, потому что сняты они не в открытую, а тайком.

И среди этого вороха моих лиц есть и моя обнаженка.

Прикрываю рот ладонью, и барабанные перепонки сейчас лопнут от давления.

И нет, это не те фотографии, которыми мы баловались с Гордеем.

Вот я переодеваюсь в нашей спальне.

А вот фотография из сауны свекров.

— Что за пиздец, — шепчу я и не узнаю свой голос.

Вот фотография из ванной комнаты спальни, в которой мы ночевали с Гордеем, когда оставались на ночь.

— Лялечка, — в дверь скребется Пастухов, — милая, прости, а, старого дурака, — икает, — я уже уезжаю.

— Христом богом прошу, — шепчу я, — уходите...

— Ляля, — голос Пастухова меняется на обеспокоенный, — хочешь поговорить?

— Уходите, — перевожу взгляд на фотографию, на которой я сижу в кафе за ноутбуком с чашкой кофе.

Мне тут восемнадцать лет. Я помню этот клетчатый шарф.

— Ляль, перепил... Серьезно, — Пастухов вздыхает. — Перегнул палку... Занесло... Господи, мне очень стыдно...

Свекр никогда ни в чем не мог мне отказать.

Всегда был добр со мной и не раз говорил Гордею, что ему со мной повезло.

— Она, что, заперлась? — слышу недовольный голос Гордея.

— Что-то не так, Гордеюшка... Что-то мне как-то не по себе, — бубнит Пастухов. — Как-то резко поплохело... И тошнит... Меня редко тошнит, Гордей, а когда тошнит, то дело - дрянь...

Смотрю на фотографии, на которых меня сняли в парке ранним утром. Я занимаюсь йогой, и фотоаппарат зафиксировал позу кошки: стою на четвереньках с выгнутой спиной.

— Ляль, — Гордей стучит в дверь.

— Я в порядке.

— Нихуя она не в порядке, — подытоживает Пастухов.

— Я слышу, что не в порядке, — мрачно соглашается Гордей. — Ляль, я вспылел...

Его отец был мной одержим, и он хранил десятки моих фотографий.

И не любил он меня, как дочь.

И как невестку тоже.

— Ляль.

— Оставьте меня, — тихо отзываюсь я.

— Ломаем дверь? — Пастухов дергает ручку.

— По-человечески вы не понимаете? — я сажусь на корточки и торопливо собираю фотографии в папку. Руки дрожат. — Я же сказала, все в порядке.

— Брешет.

— Да слышу я, — рычит Гордей. — Ляль! Что у тебя там?

— Я хочу побыть одна! — повышаю я голос и замолкаю под волной крупной дрожи. Прижимаю к губам руку, чтобы сдержать в себе спазм рвоты.

Мерзко и липко.

При встречах меня обнимал и целовал в щеку извращенец, который хранил мои обнаженные фотографии и собирал коллекцию годами, а я видела в нем второго папу.

Я не замечала в его руках, которые сжимали мои ладони и поглаживали по плечам, ничего подозрительного, а теперь я чувствую себя грязной.

Он следил за мной.

Снимал через скрытые камеры.

— Боже, — смотрю перед собой пустым взглядом. — Боже мой...

— Лиля, — вздыхает Пастухов. — То, что женщина запирается одна и вот так шепчет, верный признак того, что мы оказались в большой жопе.

Я должна уничтожить фотографии.

Никто не должен их увидеть, и эту грязь я никому не раскрою. Пусть свекр останется для всех приличным семьянином, хорошим дедушкой, любимым мужем и отцом, а не уродом, который пускал слюни на жену сына.

Только как мне теперь избавиться от Пастухова и Гордея, чтобы незаметно вынести мерзкий компромат на мертвеца, который вмиг обратился для меня в гадкое чудовище?

Глава 18. Что-то не так

— Отойди, Юр, — командует Гордей.

Вот сейчас бы я не отказалась от того, чтобы мой дорогой муж сидел бы и страдал в библиотеке, но нет. В нем включились какие-то мужицкие инстинкты, которые говорят, что жена какая-то странная и нельзя ее оставлять в запертом кабинете.

Мужицкие инстинкты вообще работают очень загадочно.

Поговорить с женой о измене? Нет, мы против того, чтобы нам истеричная баба ебала мозги. Это нас раздражает.

Жена затихла за дверью? Включаем тревогу и прем напролом.

— Ладушки, — отвечает Пастухов, — отползаю. Какой ты суровый, Гордеюшка.

Я резко поворачиваю ключ в замочной скважине и распахиваю дверь.

Немая сцена. Пастух сидит на полу в стороне, привалившись к стене, а Гордей напротив меня в нескольких шагах готов кинуться выбивать дверь.

— Что с тобой не так? — смотрю на Гордея.

И если он может меня заткнуть, отодвинуть в сторону, когда ему не хочется говорить, то я лишена такой силы.

У меня не выйдет его просто выгнать. Он просто положит на мое требование большой и толстый.

— Это с тобой что-то не так... — глухо отзывается он.
Какой внимательный козел.

А с ним рядом еще и Пастухов, который тоже не уйдет, пока не нажрется грязи. О, вот он точно будет в восторге от того, что Славик снимал невестку на скрытую камеру.

— Я повторяю, — недобро щурюсь. — Я в порядке и хочу побыть одна. Это так сложно?

А женщина в нашем мире не имеет права побыть одна. Это мужики у нас могут требовать того, чтобы их не трогали, а мы — нет.

— Ладно его, — Пастух фыркает, — но меня-то за идиота не держи, дорогуша.

Я перевожу на него взгляд, и он замолкает, подозрительно прищурившись.

— Задержался я, кажись, — понижает голос, не отводя от меня взгляда. Тяжело поднимается, — нет, не полезу я к тебе, Лиля. Что-то там у тебя... — он вытирает лоб ладонью, — что-то... не хочу даже знать...

Видимо взгляд у меня вышел очень говорящим и многозначительным, раз наглый толстяк решил, что ему пора валить.

Ну, хоть он не совсем тупой.

Разворачивается и плетется прочь, покачиваясь из стороны в сторону:

— Ну его... Ну его... Задержался... И зря...

Оглядывается на меня и медленно моргает, шепнув:

— Резко стало не до смехуечков.

Пастухов скрывается на лестнице, а Гордей, отодвинув меня в сторону, заходит в кабинет. Недоуменно озирается по сторонам поисках причины, из-за которой он уловил во мне тревогу, и оборачивается на меня.

Я успела спрятать папку в сейф, быстро и бесшумно прибраться.

Щурится.

Я скрещиваю руки на груди и вскидываю бровь, пряча за надменностью отвращение, которой пожирает меня изнутри.

— Что не так? — хрипит он.

— Все так.

— Не юли. Что с тобой?

— Тебе покурить не надо? Побывать одному? А еще тебе не мешало проспать.

— Что-то не так.

— Все так. Я, как и ты, имею право запереться одна и подумать.

— Над чем? — Гордея покачивает, но он не отводит от меня горящих, как в лихорадке, глаз.

— Над смертью твоего отца, над твоей изменой, над беременностью Верочки и нашем скором разводе, — твердо чеканю каждый слог, скрывая в пренебрежительном тоне липкую грязь.

Гордей молчит, и через несколько секунд тяжелого мыслительного процесса в пьяном мозге, выдает итог:

— Нет, тут что-то другое. И это тебя... Аллочка... так завела, да?

— Я не буду с тобой вести сейчас разговоры по душам, Гордей. Ты пьяный, отвратительный урод, которому можно еще ко всему прочему похрюкать, чтобы полностью соответствовать образу.

Я хочу его оскорбить намерено. Я хочу, чтобы он ушел, но он, мудила, игнорирует мои грубости и продолжает всматриваться в мое лицо.

Я не уверена, что я бы раскрыла карты не будь его измен, а сейчас тем более не хочу делиться откровением, что все эти годы его отец пылал совсем не родственными чувствами.

Да и толку делиться этой грязью?

Он же мертв, а меня ждет развод.

Господи, это нечестно, что на меня, обманутую женщину, навалилось столько мерзости, будто вселенная намекает, что слезы из-за измен мужа — глупости. Это только вершина айсберга, и самое противное — это то, что я не смогу, просто не смогу ни с кем поделиться этим.

Как мне теперь смотреть в глаза свекрови? Я ни в чем не виновата, но ее муж хотел меня, и в нашем браке с Гордеем он мог быть очень близко ко мне.

А я ничего не подозревала.

Я, как восторженный щенок спаниеля, видела от свекра лишь заботу, отцовскую любовь и радость за сына, что он так удачно выбрал себе жену.

Вот тебе и Цветочек.

— Уже поздно, — в кабинет заглядывает моя мама. — Я думаю, что пора всем спать.

И никто не подозревал.

Чему я удивляюсь? Я же, например, не думала, что Гордей может мне изменять. Мои дети о таком не думали, наши родители, а на деле оказалось, что мой муж вполне способен на мерзости.

Весь в отца.

Удивительно. Один штрих, и все изменилось. Я теперь не хочу оплакивать свекра, который обратился из хорошего человека в тихого извращенца.

— У нас тут разговор не окончен, — Гордей пошатывается.

— Завтра поговорите, — мама тянет меня за руку. — День был сложным, а говорить надо на трезвую голову, Гордей.

— Ты что-то скрываешь, дорогая, — цедит сквозь зубы Гордей. Над бровью вздувается венка гнева. — Я тебя хорошо знаю, чтобы понять это.

Глава 19. Как же я ошибалась

— Что между вами происходит? — шепчет мама.

— Все, мам, спокойной ночи, — мягко толкаю ее к двери.

— Папа тоже ничего не говорит, — сердито отмахивается.

— Прекрати, Лиля.

— Он мне изменяет, — шиплю в ее лицо. — Вот что происходит. Изменяет с бывшей одноклассницей.

Мама недоуменно моргает, а затем прижимает к губам пальцы и опять моргает.

Отказывается верить.

Мы же такая красивая семья, а муж у меня — золотой мужик, хорошо воспитанный прекрасным отцом.

Разве Гордей мог?

— Господи, — мама сипит. — Может, ты ошибаешься?

— И все остальные разговоры потом, мам, — вновь подталкиваю ее к двери.

— Ляль... Ты не руби так все сразу...

— А я рублю? — приближаю свое лицо к ее. — Я эти дни как в аду. Ничего я не рублю, но развод будет. Ясно? К черту эту семейку.

— Алису точно удар хватит, Ляль... Она же...

Меня внутри передергивает от имени свекрови, перед которой я чувствую дикую нелогичную вину, стыд и страх, что будет с ней, если все вскрыется.

Не хотела бы я узнать, что, например, Гордей хранит голые фотографии жены нашего сына Льва.

— Давай, мам, — мне все же удастся вытолкнуть маму в коридор. — Я хочу спать. День, как ты сказала, был тяжелым.

Понимаю, что в полумраке в шагах пяти стоит Гордей и тяжело дышит. Мама смотрит в его сторону, потом на меня и торопливо уходит, что-то невразумительное буркнув себе под нос.

Закрываю дверь на защелку, которую при желании снаружи можно без труда открыть. Во всем доме — только в кабинете свекра стоит замок, который закрывается на ключ.

И теперь понятно почему.

— Открой дверь, Ляля, — раздается тихий голос Гордея, который медленно давит на ручку с другой стороны.

— Теперь твоя очередь мне мозги жрать? — сжимаю защелку, которой не позволю провернуться. — Мы все для себя уяснили, Гордей.

— Пап, — раздается тихий сонный голосок. — Ты еще не спишь.

— Нет, не сплю, — вздыхает Гордей, — а ты чего не спишь?

— Вот проснулась. Мама спит уже?

— Да, — Гордей лжет.

— Идем к нам, — тихо предлагает Яна. — Не буди ее. Она сегодня очень устала.

— Да, знаю.

Отпускает ручку, которая с тихим скрипом возвращается в горизонтальное положение. Я хочу выскочить в коридор с криками, что я не сплю и самой спрятаться в комнате с детьми от Гордея, но я же, благородная душа, решила последний раз не травмировать детей.

Хотя бы в первую неделю после смерти дедушки.

И они любят Гордея, и сейчас он им нужен, чтобы залечить раны. Даже пьяный очень нужен.

— Потом к утру вернешься к маме, — шепчет Яна.

Раздается тяжелые шаги, а закусываю губы до боли.

Пытаюсь отдышаться. Дом свекров для меня уютным гнездышком, в котором я могла отдохнуть, расслабиться, а теперь я хочу его сжечь, и начала бы я с нашей Гордеем комнаты.

Как я могла так обмануться?

Выдыхаю. Лезу в комод. Из верхнего ящика достаю пилочку, маникюрные ножнички и решительно иду в ванную комнату.

Судя по ракурсу на одной из фотографий, камера спрятана в душевой лейке.

Я хочу проснуться. Пусть все это будет кошмаром, но я вскрываю диск, на котором центральный выпуклый и зеркальный кружочек теперь не кажется просто частью дизайна.

Так и есть.

Под зеркальной круглой штучкой спрятана маленькая камера, которую я в ярости выдергиваю из корпуса и сжимаю

в ладони.

Закрываю глаза.

Когда Алла мне сказала про Гордея, я думала, что хуже быть не может.

Как я ошибалась.

Как я, мать его, ошибалась.

Я оставляла этого извращенца без страха и подозрений с моими детьми. Меня начинает трясти.

Все это для меня слишком.

Я отказываюсь верить в то, что все годы доверяла тихому мерзавцу.

Да, можно сказать, что мы не властны над своими чувствами, однако у скрытых камер и слежки нет никакого оправдания.

Боже мой.

Я не боялась оставаться со свекром один на один.

— Нет, — сжимаю камеру крепче. — Нет... нет...

Он мертв. Его закопали, и я должна просто закрыть эту страницу. Мне сейчас важно уничтожить фотографии. Те, что я нашла, и те, что еще могут быть вместе с видео.

В телефоне свекра вряд ли что-то будет, потому что Алиса знала пароль, всегда могла схватить его в любой момент и без страха покопаться в нем. И сегодня с утра сидела с его смартфоном, пересматривала фотографии, рыдала и перечитывала переписки в мессенджерах. Переписки не были криминальными, подозрительными и варьировались от теплых

и семейных до деловых и вежливых.

Может, в ноутбуке хранятся видео и снимки.

Как же тошно.

Или пусть все узнают, кем был на самом деле Вячеслав?

Нет. Лучше светлая печаль о хорошем человеке, чем все эти вопросы, которые сейчас терзают меня, и чувство гадливости.

Нет.

Я не хочу взглядов от свекрови, у которой, как и у меня, перевернется мир. Не хочу видеть в глаза родителей ужас, омерзение и чувство вины.

Можно, конечно, ткнуть рожей Гордея в дерьмо его отца, но... меня останавливает не желание его обезопасить.

Сейчас с камерой в руке я понимаю, что моего мужа в последнее время напрягали ласковые слова в мою сторону. Напрягали вечные советы, как быть хорошим мужем и как ему повезло.

Нет, в нем не было явной агрессии и он не огрызался на отца, но напряжение в нем было, раз я в такие моменты пыталась свести все в шутку или прибегала к убеждению, что муж у меня замечательный.

— Хватит, — цежу я сквозь зубы, не позволяя себе углубляться в мысли, от которых несет гнилью. — Хватит.

Я чувствую, что я теряю контроль и ухожу глубже в грязь, которой могу сейчас захлебнуться.

Моя жизнь была иллюзией, которая лишь чуток истончи-

лась, а я уже задыхаюсь.

Я должна взять себя в руки, и с холодной головой уничтожить фотографии и, возможно, очистить ноутбук, а после оставить этого урода в покое. Пусть им займутся в аду. Пусть черти ковыряются во всех его грехах, а не я.

Не я.

Я живая, и я лучше буду страдать из-за неверного мужа.

Глава 20. Не туда копал

В дремоте мне кажется, что меня кто-то гладит по плечу, поглаживает ладонь, прижимается щекой к виску.

На судорожном выдохе открываю глаза.

Надо вернуться в кабинет, забрать фотографии и заглянуть в ноутбук свекра. Очистить все, а то есть риск, что правда вскроется не в тех руках.

Оно мне надо?

Выхожу в коридор. Тишина. Подкрадываюсь к комнате детей и прислушиваюсь. Улавливаю тихое похрапывание. Это Гордей.

На цыпочках крадусь по коридору.

Лучше бы я узнала, что свекр изменяет. Он тогда бы был просто козлом, как и многие другие мужики.

У кабинета притормаживаю, опять прислушиваюсь и бесшумно просачиваюсь за дверь.

Через пару минут я откладываю в сторону папку со снимками, меняю пароль сейфа на дату рождения Алисы на всякий случай.

Собираюсь с мыслями и понимаю, что ноутбука-то в кабинете нет и не было.

Вероятно, он в офисе свекра, который постоянно туда-сюда таскал, как он говорил в шутку, “печатную машинку”.

Умер-то он в офисе, в который он, вероятно, как обычно,

отправился с “печатной машинкой”.

Трясутся руки.

Он мог наяривать на снимки и видео со мной, сидя за своим большим рабочим столом?

Очень даже.

А затем я вспоминаю шуточные жалобы Алисы в телефонных разговорах по поводу того, что опять Славик ушел медитировать в кабинете.

У него был неприкосновенные полчаса по нечетным вечерам после ужина в кабинете. Он запирался, говорил жене, что ему нужно уединение в тишине, чтобы очистить мозги.

Это сейчас, учитывая мои находки, понятно, что вот такое уединение — ненормально, но до всего этого...

Тридцать минут посидеть с чашкой чая в тишине и в своих мыслях? Почему нет?

И я соглашалась со словами Алисы, что у каждого человека должно быть хотя бы полчаса времени на то, чтобы спрятаться в своем уголке.

Мы же не знали, что он за закрытой дверью не только чай пьет!

И, видимо, Алиса в отместку мужу тоже выделила себе тридцать минут “медитации” в библиотеке.

— Я тоже решила, что меня нельзя тревожить по утрам за чтением, — вздыхала она. — Верно говорю, Лиля? Ишь ты, эти мужики напридумывают правил, а у меня тоже могут быть правила.

А после смеялась.

Боже, какой изврат.

Как сейчас мне противно. И кажется, что я чувствую выдох мертвого свекра у щеки, который шепчет:

— Гордею повезло с тобой, Цветочек.

Никакой скорби, тоски и печали.

Вот ни капельки.

Хорошо, что помер, урод престарелый. Готова прийти на могилу и плюнуть на нее. Всех вокруг убедил в том, что он милый и пушистый, что он добрый, любящий и заботливый.

И как же меня злит то, что у меня нет сейчас возможности спрятаться за Гордеем, который тоже оказался лжецом.

Мне не найти у него защиты и поддержки.

Почему мы все были такими тупыми и наивными кроликами перед болотной тварью?

Нет смысла распускать сопли.

Встаю.

Через пять минут с папкой, бутылкой с остатками виски и зажигалкой в кармане выхожу на крыльцо дома и торопливо шагаю в сторону дальнего участка сада, на котором в этом году решили выкорчевать старые кусты и деревья. Там сейчас бардак и неделю назад “любимый дедушка” устроил костер с внуками.

Было очень весело сжигать кусты, ветки, пни. Передергиваю плечами, ведь теперь смех, шутки и взгляды свекра воспринимаются иначе. Сейчас мне кажется, что он смотрел на

меня липко, оценивающе и улыбался мерзенько.

Сейчас сожгу фотографии и станет легче. Должно стать.

А потом подумаю, как добраться до ноутбука.

Стою перед пепелищем под белой луной. Прижав локтем папку к ребрам, открываю бутылку с виски и делаю один глоток. Он обжигает язык и глотку, и я слышу:

— Только не ори.

— Юра, — цежу я сквозь зубы.

— Меня оставили в гостевом домике отоспаться, — вздыхает Пастухов. — Вместе с водителем, а он, блять, знаешь, что устроил?

Я молчу и в отчаянии смотрю на луну, умоляя ее, чтобы она ударила Пастухова лунной кувалдой по голове.

— Он храпит, — цыкает Юра.

Я разворачиваюсь к нему.

— Я не вру, — пожимает плечами. В рубашке без пиджака он кажется еще толще. — Храпит громче меня. Это возмутительно. Вот я решил поспать под открытым небом.

— У меня выйдет разбить бутылку о вашу голову? — тихо спрашиваю.

— Сноровка нужна, Лиля, — спокойно отвечает Пастухов. — Серьезна сноровка. Это не так легко, как показывают в фильмах. Ты просишь у меня мастер-класс?

— Я прошу вас уйти.

— Что в папочке? — Юра взгляда не отводит. — Я никому ничего не расскажу. Честное пионерское, Лиля. Что там?

Ты эту папку нашла в кабинете Славика, верно? И что там, Лиля?

— Вам не кажется, что это не ваше дело?

— Не мое, конечно, — Юра расплывается в улыбке, — но мне твой свекр не нравился, Лиля. Слишком приличный и правильный. Я бы сказал, вылизанный. Вот я и хочу подтвердить свою тонкую чуйку.

— Но это не помешало вам говорить, какой он был прекрасным человеком.

— А стоило сказать, что мне в его присутствии было не по себе, и наслать гнев сопливых и рыдающих? И я копал под него и ничего не выкопал. И это, — он поднимает палец, — плохой признак. Но, похоже, либо копатели у меня хуевые, либо не в ту сторону копали.

— В папке мои фотографии, — холодно отвечаю я, крепко сжимая бутылку. — В том числе обнаженка, снятая на скрытые камеры в сауне, в душевой кабине.

Молчание, и Юра чешет щеку.

— Вот блять...

— Теперь вы можете идти.

— Вот блять... — повторяет Юра, кривится и передергивается, — Фу, блять... Фу! — замолкает и шепчет. — Не ты фу, Ляль... ну, ты меня поняла...

— Теперь вы уйдете или попросите посмотреть фотографии? — приподнимаю бровь.

— Фу! — Юра опять кривится и оступает. — Лиля, блять!

Я вот могу понять оргии, любовниц, сломанные пальцы, вырванные зубы... Но не это. Знаешь, что? Я тоже был влюблен, итить-колотить, в чужую женщину! — повышает голос. — Но не снимал ее на скрытые камеры и не дрочил в уголочке на эти снимки. Я просто ждал своего выхода и жил своей жизнью... Да потом, конечно, были у нас свои сложности, но... вот такого не было.

— Мне насрать на вашу жизнь.

— Вот тихушник, мать его, — Юра приглаживает жидкие волосы на макушке. — Иди и скажи Гордею.

— Нет.

— Он должен знать.

— Пошел он в жопу, — цежу я сквозь зубы. — У него есть Верочка.

— Хуерочка, — Пастухов щурится на меня. — И ведь гадство такое. Пообещал, что буду молчать.

— Отличные вышли похороны? - смеюсь я. — Вы накушались?

Глава 21. Мы живем дальше

Кидаю ветки в костер. Огонь почти сожрал папку с фотографиями, от которой остался краешек и уголок.

Они чернеют и исчезают под всполохами огня.

— Лиля? — вздрагиваю от голоса Алисы. — Ты что делаешь?

— Костерок развела, — отвечаю шепотом и прикусываю кончик языка.

— Я Пастухова сейчас уговаривала лечь спать, — подходит ко мне и вздыхает. — Что за человек? Выхожу на крыльцо, а он качается на качеле. Еще и мне предложил.

— И качеля его выдержала?

— Так хорошая же качеля, — Алиса всхлипывает, — ее Слава... Слава ставил...

Играть сочувствие и печаль куда тяжелее, чем ее прожить.

— Все будет хорошо, — приобнимаю Алису.

— Только вы остались у меня...

— Надо это просто пережить.

— Как? — едва слышно спрашивает Алиса.

— Мы его уже похоронили, — тихо отвечаю я. — Проводили в последний путь, и... теперь только положиться на время, которое лечит.

Что я могу еще сказать свекрови? Только это, и мои слова

выходят довольно сухими и безэмоциональными.

Алиса понятия не имеет, что реальность на деле еще хуже, чем она есть для нее сейчас.

Муж — извращенец, а сын нагулял ребенка на стороне, и ее слезы по утрате — это, можно сказать, привилегия, которой я лишена.

И если я вывалю на нее всю правду, то она не выдержит ее. Она из тех женщин, которых можно назвать тепличными. Она добрая, наивная и всегда пряталась за мужем.

Я могу ее добить.

— Как Гордей, держится?

— Держится.

— Он сейчас может отстраниться, Лиля, — Алиса вздыхает. — Он в этом не похож на отца.

Очень надеюсь, что Гордей не унаследовал от отца сомнительные пристрастия в слежке и подглядывании.

Пусть будет только кобелем, который не может удержать дружка в штанах.

— Да, может отдалиться, Лиля. Может оттолкнуть, но это не значит, что ты ему не нужна. Нужна, — находит мою руку и мягко ее сжимает. — Просто не хочет быть для тебя слабым. Ему тоже нужно время, чтобы все понять и осознать... Это так страшно...

Опять всхлипывает, и через секунду плачет в мою грудь. Плечи вздрагивают, а я пустым взглядом смотрю на оранжевые языки огня и искры, что выпрыгивают из него и тухнут.

— Я справлюсь... — шепчет Алиса. — Справлюсь...

И теперь уже рыдает в моих объятиях.

В моей семье между мамой и папой случались ссоры, а вот между свекром и свекровью их не было.

Вячеслав был реально слишком прилизанным со всех сторон, и безукоризненно играл идеального мужа, которого я, бывало, сама ставила в пример Гордею.

Гордей в отличие от отца умел раздражаться, повышать голос и ссориться со мной. Он не отступал от скандалов, которые могли вспыхнуть из-за какой-нибудь мелочи, а его отец мастерски сглаживал все углы со своей женой, что мне казалось правильным.

Если женщина начинает бузить, прикапываться, то надо ее выслушать и поговорить. Вот Вячеслав умел говорить с Алисой, и сейчас я начинаю прозревать.

Не из-за великой любви он был таким.

Он изучил свою жену, как хирург анатомию человеческого тела, и знал, каким надо быть для нее мужем.

— У меня есть вы...

Алиса отстраняется от меня, вытирает слезы и слабо улыбается, вглядываясь в мое лицо.

Боюсь, что на ее месте я бы тоже не заподозрила Вячеслава в той грязи, что я нашла. Обычные люди не ждут от близких, что они могут быть уродами, и этим пользуются. Нас так легко обмануть, если знать подход.

— Что же, — Алиса кутается в халат, — будет за нами

наблюдаться с небес.

Нет, спасибо. Не хочу, чтобы он еще мертвым за мной следил.

— Он прожил хорошую жизнь, — выдыхает Алиса, — и столько людей будут помнить его... Все хорошо... Мы с ним еще встретимся... Он дождется меня...

— Только вы не торопитесь с ним на встречу, — ежусь от холодного ветра, что вырывает из костра веер оранжевых искр.

— Не буду, — держит меня за руки. — Сейчас главное — друг друга беречь.

Вот я и стараюсь сберечь хрупкую иллюзию обычной семьи, по которой расползаются черные трещины.

— Мы будем все по нему скучать, — Алиса печально улыбается на затухающий огонь. — Теперь я ему буду цветы покупать.

Очень неловко.

Если честно, хочется просто уйти.

— Зато Гордей может выдохнуть, — горько усмехается Алиса, — никто не будет его поучать, как быть отцом и что надо третьего родить.

Мы с Гордеем планировали и договаривались о двух детях с небольшой разницей, а тут выясняется, что “дедушка” третьего нам хотел?

Мне опять становится мерзко и начинает подташнивать, а после всю изнутри передергивает. Мне опять чудится выдох

у шеи и шепот:

— Ты же мой Цветочек.

— Пойдемте в дом, — хрипло отзываюсь я и тяну за собой Алису, — нам надо поспать... поспать...

Кусаю внутреннюю сторону щеки, чтобы выдернуть себя из холодной липкой лужи страха, которая начала меня засасывать.

— Мы живем дальше, — оглядываюсь на Алису. — А живым важно спать и отдыхать.

Мне теперь надо добраться до ноутбука. Я с каждой секундой убеждаюсь в том, что свекр хранил не только физические фотографии в сейфе. Распечатал свои самые любимые снимки, как мы делаем это с семейным архивом, а остальное сохранил на ноутбуке.

— Да, ты права, — кивает Алиса. — Надо отдохнуть, — так и стоит на месте. Хмурится и шепчет. — Что могло спровоцировать сердечный приступ?

Глава 22. Претензии?

Мы с Гордеем почти сталкиваемся лбами, когда я распахиваю дверь.

Девять часов утра.

Мы оба помятые, бледные и молчаливые. И смотрим друг на друга уставшим зверьем.

От него тянет прогорклым перегаром и сигаретным дымом.

— Чего тебе? — спрашиваю я.

Я почти не спала. Только ныряла в дремоту, так мне казалось, что со мной в кровати лежит холодный труп свекра.

— Душ принять, — беспардонно проходит в комнату. И доброе утро, дорогая.

Расстёгивает помятую рубашку, стоя ко мне спиной.

Не защитил и предал.

Да, к моей обиде за его измену примешалось нелогичное разочарование, что мой муж не смог рассмотреть в отце тихого маньяка.

Или, может, рассмотрел, а?

Может, он знал, что его папаша был одержим мной, и подыгрывал ему?

Гордей оборачивается, почувствовав мой взгляд.

Меня внутри передергивает от того, что вижу в Гордее тень свекра. В его темных глазах, черных бровях, волевом

подбородке и губах.

— Я сегодня пойду на консультацию с адвокатом.

Это наглая ложь. Сегодня я займусь не адвокатами, а поисками ноутбука, который я должна уничтожить. Я даже не стану его открывать, подбирать пароль. Просто разобью, а после я загляну к Алле, которая подозрительно затихла.

— Удачи, — Гордей усмехается. — Могу поделиться контактами.

— Обойдусь.

— Ну да, — стягивает рубашку, — ты же гордая и независимая. В любом случае, мы бы могли вдвоем сразу обратиться к адвокатам. Нет?

— Нет, — цежу я сквозь зубы. — Возьми с собой Верочку.

— Зачем она мне у адвоката? — расстегивает ремень на брюках.

— Для поддержки, — ехидно отвечаю я.

— Боюсь, что та поддержка, которую она мне оказывала, будет верхом неприличий, — снимает брюки и отбрасывает их в сторону. Стоит передо мной в одних тонких трусах-боксерах, которые не могут скрыть его утренней эрекции.

— Кажется, кто-то вышел из горя, раз пошли разговоры о поддержке, — вскидываю бровь.

— А ты и рада? — хмыкает. — Ну, я же тебе сказал, что тебе стоит чуток подождать со своими разговорами о том, какой я кобель и козел. И сейчас, кстати, — его глаза разгораются злостью, — будет к слову, что мой отец переворачи-

вается в гробу, да?

Я молчу.

Руки мокрые от холодного пота.

— Кстати, ты, наверное, думаешь, что он помер от того, что узнал о Верочке? — Гордей щурится. — От Аллочки?

— Я ничего не думаю.

— И вызвал он меня на порку? М?

— Без понятия.

— Ну а что? Все очень логично, нет?

— Какая уже разница, — цежу сквозь зубы. — Он уже мертв.

— Можно ли тогда сказать, что я убил своего отца? — Гордей насмешливо вскидывает бровь.

Я должна сейчас уйти, но я не могу сдвинуться с места.

— Действительно, — Гордей тихо посмеивается и шагает в сторону ванной комнаты, — как я мог милому и прекрасному Цветочку так подло изменить?

— Не называй меня так, — глухо хлопочу я.

— Почему? — останавливается у двери ванной комнаты. — Тебе же вроде нравились каламбуры “цветочки для цветочка”.

— У тебя какие-то ко мне претензии?

Гордей пристально смотрит на меня, и я понимаю, что сказала лишнего. Разговор становится липким.

— Претензии по поводу? — наконец спрашивает оторопевший Гордей.

Вот будет смешно, если я сейчас этой перепалкой подтолкну Гордея к мысли, что между мной и свекром могло бы что-то быть.

Поэтому я резко перевожу тему на обвинения:

— По поводу того, что я не в особом восторге от новости, что ты опять станешь папой.

Есть надежда, что Гордей еще не протрезвел. Он вчера много выпил, и у него явно сильное похмелье, которое угнетает когнитивные функции мозга.

— Да я тоже не в восторге, знаешь ли, — кривится, а после запирается в ванной комнате, и я закрываю глаза.

Прислушиваюсь к шуму воды, а затем стук, грохот и отборные маты от Гордея. Неужели я налажала со сборкой душевой лейки?

— Какого черта? — шипит Гордея и повышает голос. — Ляль! Это ты душ сломала? Нахуя, Ляль? Что за детские игры?

Похоже, он решил, что я душ сломала ему назло и чтобы с утра ему прилетела по голове моя маленькая женская мстя.

О камерах он не знал.

— Он ночью не работал, — отвечаю я Гордею тоже на повышенных тонах, прикидываясь дурой. — Я его немного поковыряла.

— Немного поковыряла?! — выглядывает из ванной комнаты мокрый и разъяренный. — Да ты его на части раскурочила!

Вот теперь я выхожу из комнаты. Разбудить детей, позавтракать, и уехать на пару часов под каким-нибудь убедительным для свекрови предлогом.

Глава 23. Тошнит

— Гордей Вячеславович, — всхлипывает Лена, когда я вхожу в приемную.

Зареванная, опухшая и вся в черном. На похоронах секретарша отца очень много плакала. Сменила несколько платков.

Говорят, что секретарши либо отсасывают боссам, либо они в курсе всех его секретов. Либо одно, либо другое.

Я не думаю, что папа потрахивал Леночку. Вряд ли. Не тот он человек. И сейчас я не о благородстве его души говорю.

Не хочу сейчас думать, каким он был человеком.

— Я пришел поговорить, — закрываю дверь и щелкаю замком.

Выходит очень зловеще и мрачно.

— О чем? Меня теперь уволят?

— А есть за что?

— Теперь же все поменяется...

— И правда.

Шагаю к диванчику и плюхаюсь на него. Мог, конечно, зайти в кабинет отца, занять его стол, но что-то не тянет.

— Я должен знать, Лена, звонил ли ему кто-нибудь перед его смертью. Приходил ли, — закидываю ногу на ногу. — Может, он сам на какую-либо встречу ходил.

Я не могу понять, почему сегодня я проснулся с чувством,

что мой отец был не тем, кем мы его видели и знали.

Это неправильно. Так не должно быть. Я обязан сохранить светлую память о нем и оставить его в могиле, но что-то не так.

И это “что-то не так” проснулось сегодня с диким похмельем. В тот момент, когда я хотел принять душ, а душевая лейка над моей головой буквально развалилась на части.

Она была явно разобрана и неумело собрана, судя по свежим царапинам и сколам. Я поинтересовался у Ляли, она ли этой ночью чудила, на что она огрызнулась: “Душ ночью не работал” и торопливо вышла из комнаты.

И в ней что-то поменялось. И дело не в моих подвигах.

Я учуял страх и стыд.

Что произошло ночью?

Я помню свой вопрос об Алле, потом Ляля заперлась в кабинете отца и затем этот взгляд, в котором больше не было скорби.

Что-то не так. С моим мертвым отцом и Лялей.

Нет, нет, нет. Не хочу об этом думать.

Может, нахуй все это? Он же умер, его закопали и пусть лежит под соусом “хороший отец, любящий муж и заботливый дедушка”.

Почему я сейчас почувствовал в нем такую явную угрозу? Он же действительно был хорошим семьянином.

Очень положительным человеком. Без изъяна. Не прикопаешься ни с одной стороны. И все его любили. Он был при-

мером идеального мужика для женщин, друзей, родственников, подчиненных и для меня.

Только вот сейчас мне все это кажется лишь красивой картинкой, по которой я пытался строить свою жизнь, чтобы папу не разочаровать.

Если потеряешь Лялю, то второй такой женщины не найдешь.

Тебе повезло с Лялей.

Ляля такая умница и красавица. Настоящий цветочек.

Береги ее.

Я соглашался с ним, а сейчас понимаю, что меня все эти слова раздражали. Однако я давил в себе раздражение и даже агрессию, потому что... Потому что нет ничего плохого в том, что папа так любит невестку. Ляля же стала частью нашей семьи, и она, правда, замечательная женщина.

Он был частым гостем в нашем доме. Часто заезжал “по пути” в те моменты, когда меня не было дома.

Чтобы увидеть внуков.

Внуков, ага.

Внуков.

Сжимаю кулак на подлокотнике.

Он мертв, и я не должен ковыряться в своих подозрениях. Мне противно. И было противно Ляле за закрытой дверью в кабинете, но почему? Что она там увидела, нашла, узнала?

И это давление от отца, что я должен носить идеальную Лялю на руках, пылинки сдувать было всегда в его словах и

в отношении к ней.

И как не к месту я сейчас вспоминаю его шутку, которую он обронил.

“Я бы взял ее второй женой”

Я тогда знатно охуел с ложкой во рту, но все смазалось криками полугодовой Яны, и папа сменил тему.

И сколько раз мне было сказано, что я счастливчик и при любых обстоятельствах это подчеркивалось, будто ко мне снизошла богиня.

Тошнит.

И в последние два года я наши встречи сократил и настаивал, чтобы отец прекратил лезть в нашу семью. То с цветами для Ляли, то с подарками для наших детей, то случайными набегами. И чувствовал себя говном, который непонятно почему несмело идет против отца. Он же хороший. Он же ничего плохого не делает. Он просто любит нас и хочет проводить с нами больше времени, а я против.

Против того, чтобы он сидел пил чай с Лялей в мое отсутствие, готовил ужины, беседовал по душам.

Был против, и никто не понимал этого. Я и сам не понимал, и вместе с моим тихим бунтом становился чужим в собственной семье, которая была лучиком света для стареющего отца.

Он был одержим нашей семьей? И наш брак с Лялей был для моего отца реализацией своих желаний, которым он не мог позволить осуществиться?

Он всегда говорил, что у него есть долг перед моей мамой и обязательства.

Зато ему никогда не нравилась Вера. И он откуда-то был в курсе, что я год назад принял ее в свою фирму после сложного развода.

— Да, я думаю, что была встреча, — Лена ставит на столик передо мной чашечку кофе. — После нее он приехал... ммм, расстроенный, и уже позвонил вам. И я думаю, что знаю, — лицо Лены кривится в гримасе недовольства, — с кем была эта встреча.

Глава 24. Что ты тут делаешь?

— С кем? — задаю я вопрос, не дождавшись продолжения от Лены.

— Это был четверг, — она вздыхает, — а по четвергам ваш отец... не знаю, стоит ли вам такое говорить...

— Говори.

Я начинаю терять терпение.

— У него по утрам четвергов всегда чашка кофе и Алла,
— Лена опять кривится. — Алла Зайцева...

— Да знаю я эту суку, — поскрипываю зубами.

Лицо

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.